

75 коп.

ЛЕВ ЭКОНОМОВ

Шоссе ведёт комсомол

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЛЕВ ЭКОНОМОВ

*Приассу ведет
комсомол*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1959

Экономов Лев Аркадьевич
ТРАССУ ВЕДЕТ КОМСОМОЛ

Редактор И. Колесников
Оформление А. Никонова
Рисунки Б. Кельберер
Худож. редактор К. Аркуша
Техн. редактор И. Шувалов

* * *

A11214 Подп. к печати 30/XII 1958 г.
Бумага 84×108¹/₃₂=1,25 бум. л.=
=4,1 печ. л. 4 уч.-изд. л.
Тираж 15 000 экз. Цена 75 коп.
Заказ 2083

* * *

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

школьником то это не что иное, как мечта. Уже сейчас
что бы из этого вышло, никаких вложений не требуется.
Следовательно, будущий газопровод не только оживит
эти земли, но и сделает их чистыми и
столетие спустя.

В газовой промышленности предусматривается
рост добычи и производства газа в 1965 году
до 150 миллиардов кубических метров, против
30 миллиардов кубических метров в 1958 году,
или примерно в 5 раз.

При удовлетворении всех потребностей в га-
зе как химическом сырье и как топливе для ком-
мунально-бытовых нужд населения более 80 про-
центов всего добываемого газа намечено исполь-
зовать в промышленности.

За семь лет будет сооружено примерно 26 ты-
сяч километров магистральных газопроводов и
отводов от них к городам.

(Из тезисов доклада товарища
Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС
«Контрольные цифры развития народ-
ного хозяйства СССР на 1959—1965 го-
ды»)

Если на карте провести линию между населен-
ными пунктами Шкапово—Магнитогорск и сориенти-
роваться по масштабной линейке, то получится, что
длина этого газопровода равняется почти четырем-
стам километрам. Линия пересекает Башкирскую
республику с запада на восток и выходит за ее пре-
делы.

Дорогие читатели!

Давайте пройдем по всей трассе газопровода от
Шкапово, где из попутного нефтяного газа на спе-
циальном заводе будут вырабатывать ценное хими-
ческое сырье, до конечной точки этой большой ма-
гистрали — газораспределительной станции, откуда
газ будет поступать в доменные и марганцовские пе-
чи Магнитогорского комбината, на электростанции,
в дома рабочих.

Не легок, не прост этот путь. Трасса пересекает
низменности и плоскогорья, реки и болота, леса и
горы...

На своем пути мы познакомимся с теми, кто стро-
ит в степи газобензиновый завод, и с теми, кто ведет

трассу. Узнаем, как живут и работают комсомольцы и молодежь, какая техника используется на строительстве газопровода.

В ШТАБЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

В Уфе, на улице Октябрьской революции, там, где она спускается вниз, стоит небольшое двухэтажное здание с белыми колоннами.

Здесь всегда многолюдно. По коридорам спешат курьеры с телеграммами-«молниями». В приемных сидят загорелые, с обветренными лицами посетители; у каждого свое дело.

Ищу надверную табличку, где было бы написано: «Начальник строительства газопровода». Безуспешно. Нет и кабинета главного инженера строительства, секретаря парткома.

— Вам кого? — спросила девушка с логарифмической линейкой в руках.

Я сказал. Она недоумевающе вскинула брови, покрутила головой и сказала:

— А впрочем... пройдите сюда, — девушка указала на дверь с табличкой: «Управляющий трестом «Востокнефтепроводстрой» Сунарчин А. Х.».

Через некоторое время я сидел перед невысоким человеком с темными внимательными глазами.

— Многие почему-то думают, что строительство трубопроводов ведется так, как об этом рассказывается в книге «Далеко от Москвы», — сказал Аваль Ходжаевич Сунарчин. — Книга очень хорошая. Но теперь организация работ совсем другая. На трассе почти нет ручного труда, основные работы выполняют машины. Трубопроводы прокладываются скоростными методами.

От нашего треста, — продолжал Сунарчин, — газопровод Шкапово—Магнитогорск строят два управления: четвертое и второе. На их долю приходится очистка труб от грязи и ржавчины, изоляция, укладка в траншеи, строительство линейных колодцев, переходов, наземных сооружений и жилья для рабочих. — Перечисляя обязанности управлений, Аваль

Ходжаевич загибал пальцы, и скоро их не хватило на обеих руках.

Зазвонил телефон. Сунарчин нехотя снял трубку, но тотчас оживился, потянулся за карандашом и стал что-то записывать.

— С комсомолом разговаривал, — сказал он, вешая трубку. — В Уфе только что прошел пленум обкома по вопросам химической промышленности. На большие дела поднялась молодежь. Решили послать на строительство двести пятьдесят человек. Обком выделяет инструктора на время строительства. Жуков его фамилия. Завтра отправляется на мотоцикле по объектам. Может, встретитесь.

Узнав у Сунарчина, где на трассе газопровода работают механизированные колонны, я спустился на первый этаж. Там разместился трест «Нефтепроводмонтаж».

Рабочие этого треста подвозят трубы от железной дороги к монтажным участкам, сваривают их в секции (плети), развозят по трассе, испытывают на прочность и герметичность, монтируют задвижки, строят линии связи, делают катодную защиту и другие работы.

Через реки трубопровод прокладывается рабочими специализированного управления подводно-технических работ. А строительно-монтажное управление № 4 «Союзпроводмеханизации» делает в лесу просеки, взрывает скальные грунты, осушает заболоченные места, роет и засыпает траншеи.

Работа всех этих организаций напоминает деятельность штаба, который руководит общим наступлением. И действительно, наступление идет: люди отвоевывают богатства, которые затаила природа.

НЕФТИНАЯ ЦЕЛИНА

На станции Приютово поезда останавливались редко. Место было глухое и малонаселенное.

Но мощное наступление на природу не минуло и этого края. Геологи обнаружили здесь нефть. Взметнулись вверх ажурные вышки.

И вот черный фонтан вырвался наружу, возвестив о великих залежах ценнейшего сырья. На карте появилось Шкаповское месторождение нефти. В первых рядах покорителей нефтяной целины был комсомол. Тысячи юношей и девушек изъявили желание поехать на нефтяные промыслы.

Тихая, пустынная станция Приютово преобразилась. Днем и ночью приходили поезда с грузами, строились складские помещения, подъездные пути.

Нелегко было первым строителям. Жили у колхозников по десять-пятнадцать человек в доме. С раннего утра до позднего вечера работали на морозе, на ветру: сооружали общежития, столовую, нефтепарки.

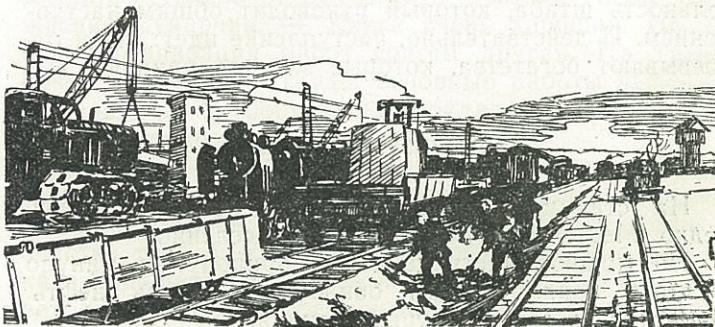
К концу пятьдесят пятого года за деревней, словно на смотру, выстроились в щеренги восемьдесят домов на двадцать четыре комнаты каждый.

А народ все прибывал. За линией стали строить двухэтажные и трехэтажные дома, заложили новый поселок для нефтяников в Новомихайловском.

Учебный год дети нефтяников уже начали в новой школе, были построены детский сад и ясли.

Много еще предстоит сделать в поселке Приютово. Далеко не все улицы похожи на центральную, по обеим сторонам которой проложены асфальтированные дорожки и высажены деревья, есть немало и таких, где от дома к дому можно пройти только по кирпичам. Но из месяца в месяц поселок растет, ширится и благоустраивается.

Неизвестно изменился край. Повсюду видны бу-

ровые вышки, возвышающиеся над степью, как памятники славных дел молодежи, горят газовые факелы — вестники действующих скважин, нефть от которых течет по подземным трубопроводам на перерабатывающие заводы Ишимбая и Салавата. Выросли новые поселки нефтяников в Шкапово, на Ик-Вершине, в Михайловке и на Развилке.

ФАКЕЛЫ В СТЕПИ

Если вы выйдете в степь, когда на землю спустятся сумерки, и посмотрите вокруг, вас поразит обилие огней. Кажется, кто-то расставил огромные свечи и запалил их все сразу. Красные языки пламени полощутся на ветру, бросая на уснувшую землю яркие пятна света.

Несобычна, захватывающая картина.

— Что это? — спросите вы.

— Факелы. Горит попутный газ.

Говорят, что нефтяники радуются, когда видят эти огни. Раз они горят, значит скважины действуют, сосут из недр темную густую кровь для нашей промышленности.

Да, скважины работают. Из освобожденной от колоссального давления нефти выделяется газ. Чтобы он не отравлял атмосферу, его сжигают. Сжигают на месте. Кого греет этот огонь? Какую приносит пользу?

Золото, невидимое золото горит в степи. Горит день и ночь, год за годом.

Люди решили заковать газ Шкаповского месторождения в стальные трубы и послать на нефтеперерабатывающие заводы, в доменные и мартеновские печи металлургических предприятий.

И вот землю, на которой горят факелы, опоясал кольцевой газопровод длиною в несколько десятков километров. Это центральная артерия всего газосборного устройства. От скважин к кольцу с внешней и с внутренней стороны протянулись капилляры. Некоторые из них уже пропускают газ. Он идет пока еще только в какую-то часть кольца, а оттуда посту-

пает для отопления котельных в городе Аксакове и поселках Приютове, Михайловке, на кухни нефтяников.

Там, где капилляры от скважин открыты, факелы навсегда потухли.

Скоро, совсем скоро они погаснут все. Газ из сборного кольца пойдет в новый, строящийся у Приютова газобензиновый завод, где из него извлекут ценные компоненты и уже как топливо погонят по трубопроводу мощными компрессорами в Салават, Ишимбаево, Стерлитамак — для бытовых и промышленных нужд, в Магнитогорск — на металлургический комбинат.

— Прямо скажем: повезло нашим комсомольцам и молодежи, — говорит секретарь Белебейского горкома комсомола Владимир Максимов. — Ведь в нашем, а не в каком-нибудь другом районе строится газобензиновый завод — этот фильтр шкаповского газа.

Он улыбается доброй, мечтательной улыбкой.

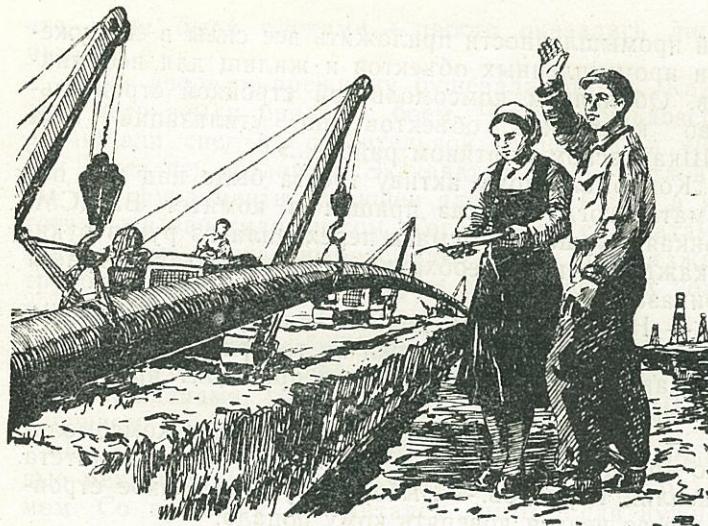
— Ну, мы не подкачаем. Ребята у нас работать умеют. Да на строительстве в этом каждый может убедиться.

КОМСОМОЛЬЦЫ — БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

Строительная площадка завода находится в пяти километрах от Приютова. Все здесь говорит о большом трудовом напряжении. Мощные экскаваторы вгрызаются ковшами в землю: роют траншеи для труб. Траншей так много, что кажется, спустись в одну из них и непременно заблудишься в этом сделанном в земле лабиринте. Взд и вперед снуют самосвалы, машины с прицепами. Подъемные краны, оседая на задние колеса, подхватывают железными крючьями огромные железобетонные балки и осторожно опускают их в котлованы.

Гудят транспортеры, подающие песок в растворомешалки, моторы бульдозеров, стальные ладони которых разгребают земляные отвалы.

Весна пятьдесят восьмого года пришла в эти

края с большим запозданием. Даже в марте она ничем не напоминала о себе. Холодный промозглый ветер гулял по степи, перегоняя с места на место сугробы снега. Ему ничего не стоило за ночь занести дом по самую трубу, выбить рамы, сорвать крышу.

Нелегко было строителям. В приказе по тресту «Шкаповонефтестстрой» говорилось, что планом народного хозяйства предусмотрено сооружение и пуск первой очереди шкаповского газобензинового завода в 1958 году. Эта задача возлагалась на строительное управление № 2. Еще в феврале 1958 года на слете молодых нефтяников и строителей Башкирии в Уфе делегаты предложили объявить строительство ударной комсомольской стройкой.

Просьбу комсомольцев удовлетворили. В письме молодых строителей предприятий нефтяной промышленности Башкирской АССР к молодым буровикам, нефтедобытчикам, нефтепереработчикам, транспортникам и строителям предприятий нефтяной промышленности Советского Союза, принятом на слете, говорилось:

«Мы обращаемся к молодым строителям нефтя-

ной промышленности приложить все силы в сооружении промышленных объектов и жилищ для нефтяников. Объявляем комсомольской стройкой строительство комплекса объектов по утилизации газа в Шкаповском нефтяном районе...»

Комсомольскому активу треста было над чем подумать, когда приказ пришел в комитет ВЛКСМ. Тонкая шуршащая бумага переходила из рук в руки, и каждый считал необходимым прочитать параграфы приказа вслух.

— Ну, что будем делать? — секретарь комитета Виктор Корнилов посмотрел на товарищей и сел, как бы давая понять, что разговор предстоит продолжительный.

— Прежде всего надо скомплектовать комсомольско-молодежные бригады, — сказал член комитета Василий Горяйнов. — Выберем лучших. Такое строительство нельзя доверять кому попало.

Долго в этот день шло заседание комитета. Наметили участки, на которых будут работать комсомольско-молодежные бригады, контрольные посты.

Как только заседание окончилось, к секретарю комсомольской организации строительного управления № 2 Шаньгину подошел каменщик Александр Мурашко.

— Я не комсомолец, но хотел бы работать на комсомольской стройке.

Шаньгин покачал головой.

— Ты же из другого управления.

— Это неважно. Трест-то у нас один.

— Хорошо. Будем хлопотать за тебя. Только работать на совесть! — Последние слова Виктор сказал просто для порядка. Он знал Мурашко. Каменщик работал отлично.

Вслед за Мурашко в комитет пришла Клава Колпакова, она возглавляла бригаду разнорабочих в первом строительном управлении.

— Мы — это наша бригада — хотим работать на комсомольской стройке. Возьмите. Жалеть не будете.

Восемь комсомольско-молодежных бригад было скомплектовано и отправлено на строительство ГБЗ за два дня. Многим пришлось отказать. И не потому,

что люди были плохими, — просто оказались лишними.

А на дворе по-прежнему бушевала метель. Каждый метр земли брался с боем. Четыре бульдозера расчищали снег на строительной площадке, и еще три двигались по дороге. Экскаваторы рыли котлованы под фундаменты, траншеи для труб. Рыли, а их тотчас же заносило снегом. Тогда люди с лопатами скатывались вниз выбрасывать снег. Подъезжал трубоукладчик и спускал трубы для подземных коммуникаций.

К разгрузочной площадке, где работали подъемные автокраны, то и дело подходили тракторы с санными прицепами, груженными цементными плитами, кирпичом, трубами.

Всей техникой управляли комсомольцы и молодые механизаторы. Они трудились с большим подъемом. Со временем не считался никто. Если нужно, работали по шестнадцати и больше часов.

Молодому экскаваторщику комсомольцу Алексею Трухину дали ответственное задание — в кратчайший срок вырыть котлован под газокомпрессорный цех.

— Трудно будет, — сказал Алексею Дерив, секретарь комсомольской организации управления механизированных работ, — давай найдем тебе сменщика.

Трухин не согласился:

— Нас же двое: я и мой помощник. Все сделаем. Не надо беспокоиться.

И комсомолец сдержал слово. Котлован был вырыт на шесть дней раньше срока. За две недели машина Алексея Трухина вынула шесть тысяч восемьсот кубометров грунта.

Как только комсомольско-молодежные бригады были скомплектованы, комитет ВЛКСМ треста принял специальное решение о создании штаба комсомольской стройки.

В штаб вошли секретари комсомольских организаций управлений, начальники участков, инженеры и бригадиры. Всего одиннадцать человек. Комсомольцев поддержала партийная организация.

— Дело вы задумали хорошее, — сказал секретарь парткома Михаил Михайлович Чиннов на одном

из заседаний комитета ВЛКСМ. — А будет или не будет пользоваться штаб авторитетом у строителей, всецело зависит от вас. Надо так организовать работу, чтобы каждый объект на стройке находился под комсомольским контролем, чтобы каждый сигнал от рабочих не оставался без внимания. Вот тогда вам поверят.

— Мы решили еще создать на стройке участковые комсомольские организации, — сообщил Корнилов.

— Правильно. Теперь позаботьтесь о росте комсомольских организаций. Чем больше комсомольцев на стройке, тем легче нам выполнить любое задание. Обязанности между членами штаба распределили уже?

— Да, вот список.

На первых порах стройка испытывала большую нужду в железобетоне. Заказ на колонны, балки и перекрытия был размещен в тресте № 21 города Уфы. Там, видимо, не торопились с его выполнением.

Штаб комсомольской стройки написал в комсомольскую организацию треста письмо. В письме говорилось:

«...объявите наш заказ по изготовлению сборного железобетона комсомольским. Побеспокойтесь о своевременной доставке его на стройплощадки газобензинового завода».

Письмо было опубликовано в областной комсомольской газете «Ленинец». Не дожидаясь, пока придет ответ, начальник штаба выехал в Уфу и встретился там с секретарем комсомольской организации треста № 21 Василием Авсеенко.

Шаньгин и Авсеенко съездили на железобетонный завод треста, где был размещен заказ. Оказалось, что он выполнен только на тридцать процентов.

— Мы исправим свою ошибку, — сказал Авсеенко.

Свое слово он сдержал. Спустя некоторое время ГБЗ стал получать железобетон.

Как только был организован штаб комсомольской стройки, стали регулярно выходить «молнии» и боевые листки. За это отвечал заместитель начальника штаба Вася Горяйнов. Он мастер на все руки: умеет рисовать, придумать смешную хлесткую подпись.

Вася Горяйнов начал с того, что вместе с фотографом Юрием Кощеновым прошелся по объектам комсомольской стройки. Уже этот небольшой рейд дал обильный материал для фотообвинения.

На листе картона с надписью «Этого не должно быть на комсомольско-молодежной стройке» приклеили фотографии обвалившихся траншей, разбросанных труб, треснувшего башмака из железобетона под теплообменник, неправильно выложенного фундамента в столовой.

Фотообвинение вывесили на видном месте. В минуты перекура рабочие толпились около листа картона, едко подшучивая над теми, кто допустил беспхозяйственность.

Не прошел мимо фотографий и начальник участка управления механических работ Кувшинов. Постоял, нахмурив брови, повертел головой (не наблюдает ли кто за ним?) и заспешил в контору.

А спустя некоторое время на том месте, где должны быть траншеи, работал экскаватор.

Прораб Белобаб распорядился немедленно перебрать фундамент в столовой.

Транспортировать железобетон стали аккуратно.

Прибыв на работу, строители теперь прежде всего спешат к домику, в котором размещается штаб комсомольской стройки. К стенду, где вывешиваются «молнии», объявления и боевые листки, одни подходят с улыбкой на лице, другие с опаской: а вдруг и им попало от комсомола!

Однажды строители увидели листок, на котором были нарисованы скачущие на конях всадники. Ниже выведено большими четкими буквами: «Мы — легкая кавалерия».

Досталось же от «легкой кавалерии» снабженцам из треста «Шкалованиефтстрой», которые не уделяли должного внимания завозке строительных материалов! А между тем надвигалась распутица, временная дорога к заводу могла выйти из строя. И тогда для подвозки можно было бы использовать только одни тракторы.

Листок сделали в двух экземплярах. Один из них «лично» заместителю управляющего трестом Можга-

лину. отвез Корнилов, секретарь комсомольской организации.

Как отнесся Можалин к такому подарку, комсомольцам осталось неизвестно, но уже на другой день они увидели на строительной площадке двадцать автомашин, груженных гравием, цементом, бутовым камнем и лесоматериалами.

Глядя на автомашины, курсировавшие от завода к перевалочной базе и обратно в две смены, строители говорили:

— Выходит, не пустая затея комсомольский штаб!

Члены штаба часто собирались в комитете комсомола и докладывали начальнику о порученной им работе.

— Ну, а ты что же отмалчиваешься? — спросил начальник штаба на одном из заседаний у Дериева. Дериеву поручили вывесить на участке управления механических работ аншлаги с указанием срока сдачи объектов под монтаж и в эксплуатацию, написать плакаты и лозунги.

Дериев развел руками:

— Я ничего не успел сделать.

— А почему другие успели? Каждый строитель должен знать, в какие сроки ему нужно закончить строительство.

На другой день, приехав на участок управления механических работ, строители увидели большой лозунг:

«Товарищи комсомольцы и молодежь! Сдадим фундаменты холодильной установки под монтаж оборудования к 20 мая!»

«Молния», листки «легкой кавалерии», газета «Крокодил» вывешиваются теперь на строительстве ежедневно.

В них обобщается опыт работы лучших, публикуются обращения передовиков производства ко всем комсомольцам и молодежи, критируются недостатки.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады каменщиков Александр Мурашко обратился через боевой листок ко всем каменщикам строительства с предложением вести кладку стен по методу московских и ленинградских каменщиков, что давало

выигрыш во времени и удешевляло штукатурные работы.

Это обращение обсуждалось в бригадах Файзуллина, Николаева, Метельского. Все строители поддержали начинание бригады Мурашко.

Когда мы приехали на завод, на домике штаба комсомольской стройки висела «молния», в которой сообщалось, что изготовленные комбинатом стройматериалов и деталей арматура и опорные фундаменты не выводятся с полигона.

Рядом с «молнией» висело небольшое написанное чернилами объявление:

«Сегодня в обеденный перерыв состоится открытое комсомольско-молодежное собрание с повесткой «О социалистическом соревновании».

Собрание проходило в недостроенном здании мастерских. Посредине его поставили стол для президиума, а вокруг расположились юноши и девушки в брезентовых рабочих одеждах: кто на стопках кирпичей, кто на досках, а кто прямо на земле, с комфортом вытянув вперед ноги или опустив их в ямы, вырытые под фундамент.

Докладывал Горяйнов.

Рассказав об участии комсомольцев и молодежи в строительстве газобензинового завода, он зачитал приказ управляющего трестом о новом составе штаба комсомольской стройки и «Положение о социалистическом соревновании на строительстве ГБЗ».

В положении подробно рассказывалось об условиях соревнования участков комсомольской стройки и бригад монтажников и строителей.

Для победителей соревнования учреждались:

- а) переходящее Красное знамя с премией 1 000 рублей — для участка, занявшего первое место;
- б) переходящий вымпел с денежной премией 500 рублей — для участка, занявшего второе место;
- в) вымпел с денежной премией 300 рублей — для бригад строителей и монтажников, занявших первое место;
- г) вымпел — для бригад строителей и монтажников, занявших второе место.

Итоги соревнования подводятся среди строительных участков один раз в месяц, среди бригад — два раза в месяц.

По решению штаба комсомольской стройки, комитета ВЛКСМ и объединенного постройкома наиболее отличившиеся рабочие и инженерно-технические работники заносятся в Книгу почета комсомольской стройки ГБЗ и на Доску почета.

Здесь же на собрании решили, кто с кем будет соревноваться. Бригадир каменщиков Костя Николаев сказал, что его бригада будет выполнять сменные

нормы на сто тридцать — сто пятьдесят процентов, и вызвал на соревнование бригаду Авзала Файзуллина. Авзал в этот день не работал, с ответом выступил Мугалим Абзалов, группорг бригады, или, как здесь называют, заместитель бригадира по политчасти.

Бригада Леонида Метельского вызвала на соревнование бригаду Александра Мурашко.

— Мы между собой уже решили, — сказал Леонид, поднимаясь с земли, — будем давать по сто пятьдесят — сто семьдесят процентов.

АВЗАЛ ФАЙЗУЛЛИН

На шкаповскую целину Авзал приехал в 1956 году сразу же после демобилизации из армии. Специальности у него не было, а поэтому работать пришлось там, куда пошлют. Выполняя поручения своего бригадира, он внимательно приглядывался к работе других строителей.

Особенно он любил смотреть, как работает молодой каменщик Вершигора.

Впрочем, Вершигора был только по годам молодой, а опыт работы у него имелся уже немалый. Иначе его не назначили бы бригадиром.

Вершигора ловко орудовал мастерком. Кирпичи как магнитом притягивало к рукам. И не заметишь, как вырастет ровная стена из уложенных кирпичей.

— Здорово у вас получается, — как-то сказал Авзал Вершигоре.

— Ловкость рук, и никакого мошенства! — весело ответил каменщик.

Авзал с ног до головы оглядел Вершигору, отметив про себя и чистую рубашку и брюки, не потерявшие даже стрелок от утюга.

— Возьмите меня к себе, — Авзал в волнении переминался с ноги на ногу.

Вершигора, прищурившись, посмотрел на стоявшего перед ним паренька: «Не больно казист собою, но, видно, крепок, жилист, руки трудового человека; такие вот парни как раз и нужны».

— Взять-то оно не штука. Вот как работать будешь? Лодырей я не люблю.

— Хорошо буду работать. Только возьмите.

— Ну, так и быть.

Авзал рассказал о своей беседе с Вершигоро дружкам, с которыми вместе работал, Косте Николаеву и Лёне Иванову.

— Проситесь вы. Хорошую специальность приобретем.

Вершигора им не отказал, и три друга стали учиться ремеслу каменщика.

Со стороны дело казалось нетрудным, а как взялись сами за кельму, поняли, что без кропотливого труда не сделаться настоящими специалистами.

Вершигора то и дело поправлял:

— Опять ты, Авзал, не в ту руку кельму берешь. Совсем не экономишь секунды.

Авзал поспешил исправлял ошибку и некоторое время работал двумя руками. Как и полагалось, правой подрезал с краев раствор, набрасывал его для нового кирпича, левой вел кладку. Но вскоре он снова забывал и начинал все операции выполнять правой рукой. Левая бездействовала.

— Придется тебе привязать кельму к правой руке, тогда, может быть, ты и для левой найдешь работу, — смеялся Вершигора.

В работе незаметно прошли три месяца. Настал день экзаменов.

— Ну, орелики, не подкачайте, — сказал Вершигра, завидев на объекте заведующего учебной частью комбината, начальника участка, инженера по технике безопасности. Всегда такой веселый, стремительный, бригадир теперь был просто неузнаваем, он словно сам стал учеником, так же волновался.

Принесли стол. Разложили билеты.

Белые, разбросанные веером бумажки напомнили Авзалу экзамены в вечерней школе рабочей молодежи, в которой он учился до армии.

Первым взял билет Иванов, потом Авзал.

На все три вопроса Файзуллин ответил без запинки. Нет, не зря он старался, сидел вечерами за книгами.

Потом молодому каменщику предложили сложить из кирпичей колонну (сделать пять-шесть рядов). Заведующий учебной частью достал из кармана часы, хотел проверить, уложится ли каменщик в срок.

Авзал работал спокойно, без суетни. Вот он закончил первый ряд, положил раствор, принялся за второй, а потом за третий. Работая, он не забывал смотреть за тем, чтобы между кирпичами было не больше одного сантиметра, по отвесу проверял вертикальность.

Наконец уложил последний кирпич.

Члены экзаменационной комиссии придирчиво осмотрели сооружение.

— Ставим вам «пять», — сказал строго начальник участка Виктор Михайлович Волобуев. — Но помните, нужно еще много учиться, чтобы стать мастером своего дела.

Иванов и Николаев тоже получили отличные оценки. Всем присвоили пятый разряд.

После экзаменов Файзуллину и Николаеву предложили возглавить бригады каменщиков. Иванов стал инструктором.

В бригаде Авзала было пятнадцать человек. Из них одиннадцать комсомольцев.

Когда строительство газобензинового завода было объявлено комсомольским, члены бригады стали проситься туда:

— Это же наше кровное дело, Авзал. Иди в комитет, скажи о нашем желании.

— А я, думаете, не ходил? Дождался вашей подсказки?

— Ну и что же?

— Сказали, что будут отбирать лучших. А мы себя еще не проявили.

— Так проявим.

— Вот и я так думаю. В общем ждите.

Ждать пришлось недолго. Дня через два Файзуллина вызвал к себе начальник участка Волобуев.

— Значит, бежать собрался?

Авзалу сделалось неловко. Неужели начальник так подумал? Нет, он шутит, по глазам видно. Говорит серьезно, а в глазах веселые искорки.

— Мы идем не на легкую работу.

— Знаю. А потому и отпускаю. Надеюсь, не подведете.

На комсомольской стройке бригаде Файзуллина поручили выложить фундамент склада комплектации, а бригаде Николаева — возвести стены механической мастерской.

Работать было трудно, снежные заряды налетали один за другим, в одно мгновение превращая строительную площадку в белое поле. Тогда приходилось браться за лопаты и подготавливать себе рабочее место.

Но трудности не испугали молодых строителей. Каждую благоприятную минуту использовали они с толком.

План в марте бригада Файзуллина выполнила на сто шестьдесят процентов, в апреле — на сто восемьдесят четыре, а в мае — на двести два процента.

Эти успехи объяснялись четкой организацией работы. Вечером, прежде чем уйти домой, Авзал проверит, выстроены ли леса для бригады, а утром перед началом работы позаботится о материале: чтобы кирпич, пробки для оконных и дверных коробок, раствор нужной марки были на месте, чтобы у каждого каменщика стоял окоренок — ящик для раствора. В этом деле ему и другим каменщикам помогает мастер комсомолка Галя Дегтева.

Но бывало и так.

Пришли как-то после обеда каменщики на объект, а там ни лесов, ни раствора.

Файзуллин к Дегтевой:

— В чем дело? Почему не обеспечили нас работой?

— Плотники поднимают леса на другом объекте. Придется подождать.

— Сколько?

— Часа два.

Файзуллин пришел к своим и доложил обстановку.

— Думаю, ждать плотников нечего. Сами скорее все сделаем.

— Верно, Авзал, — согласился Абдулин. —

Я пойду за топором, ножковкой и гвоздями.

Пока комсомольский группорг бегал на склад, каменщики разобрали старые леса и перетащили их к новому рабочему месту, а потом все сообща принялись прилаживать их к стене и склачивать.

На всю работу ушло полчаса.

Будучи еще учеником, Авзал всегда становился рядом с Вершигорой, как требовал бригадир, и, таким образом, был под надзором, в любое время мог спросить у своего учителя, как выполнять ту или иную работу. А если было нужно, Вершигора помогал молодому рабочему.

Вот и он, Файзуллин, теперь расставляет так своих рабочих, чтобы рядом с сильными каменщиками, теми, у которых пятый разряд, стояли менее опытные, четвероразрядники.

Ну, а за дисциплиной комсомольцы все вместе следят. Однажды не вышел на работу Александр Семенов: никого не спросившись, уехал домой и пробыл там около двух недель. Думал, сойдет с рук, как сошло однажды, но не тут-то было. Комсомольцы не просмотрели на то, что Семенов был душой коллектива, заводила и балагур — словом, человек, который пользуется у ребят любовью и авторитетом. Едва Александр появился на стройке, тотчас же собрали комсомольское собрание группы, потребовали отчета у комсомольца.

Александр вспылил:

— Какое ваше дело? Я прогулял — я и не заслужил. Чего вы о моем кармане хлопочете?

— Мы о деле хлопочем, — сказал группорг. — И никому не позволим, чтобы на комсомольской стройке работали лодыри и нарушители. Ты гордиться бы должен тем, что тебе оказали доверие...

— Подумаешь!

— Ну, если тебе все равно, тогда можешь убиваться. Сегодня же поставим перед штабом комсомольской стройки вопрос о твоем увольнении.

Семенов не ожидал такого поворота. Товарищи были далеки от того, чтобы шутить с ним.

— Ну, что вы на самом деле! Ну не буду я больше. Ездил к матери, помог ей картошку посадить. Старенькая она у меня.

— Это не оправдание. На день-два мы сами тебя отпустим, только делай, как люди: заявление напиши, чтобы знать, где ты.

— Не будет этого больше, честное слово, не будет! — повторил Семенов.

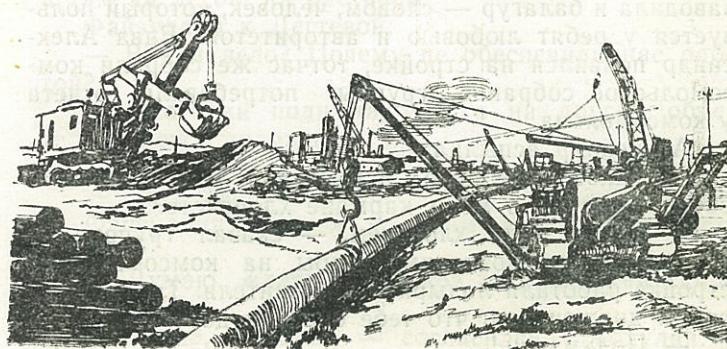
Сейчас Александр работает хорошо, о дисциплине помнит.

Я спросил у Файзуллина, почему в мае бригада выработала больше двух месячных заданий.

— Мы теперь по-новому работаем, по методу московских и ленинградских каменщиков. Их предложение сводится к тому, чтобы стены кладь ровно-ровно, без выступов и углублений, и штукатурить их самому, ни на кого не надеясь, и не за три приема, как делается это обычно, а за один. А это дает большую экономию и времени и средств.

На другой день я увидел бригаду Файзуллина на работе.

Было жарко и ветрено. Пыль летела в глаза, хотелось пить, но никто из ребят до самого обеда не

оторвался от дела. Они даже разговаривали только тогда, когда этого требовала работа. Бригада вела срочную кладку.

СТЕПЬ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ

Чтобы скорее добраться до ближайшего строительного участка газопровода, шофер решил ехать прямо по трассе, вдоль свежей насыпи, под которой уже лежали сваренные и заизолированные трубы.

Еще не объезженная дорога пролегала по степи. Это была не та степь, с которой знаком по произведениям Чехова и Горького, с ее чистыми бескрайними просторами. Совсем другая картина открывается перед глазами, когда едешь по шкаповской целине, поднятой советскими нефтяниками.

Кругом на десятки километров виднеются высокие нефтяные вышки, сразу в нескольких направлениях шатают железные мачты-опоры, передавая друг другу жгуты тяжелых высоковольтных проводов.

Около дороги лежат трубы самых разных диаметров. Машина перескакивает через насыпи и мчится все дальше вперед мимо каменных карьеров с вереницами самосвалов, мимо беленьких поселков нефтяников, домов обходчиков.

В Уфе мне вручили карту Башкирии с проложенной на ней линией трассы газопровода Шкапово—

Магнитогорск. Красными стрелками на карте отмечено движение строительных колонн треста «Востокнефтепроводстрой». Зелеными кружками обозначены стоянки монтажников из треста «Нефтепроводмонтаж», черными — участки землеройщиков треста «Союзпроводмеханизация», синими — специализированного управления подводнотехнических работ, желтыми — железнодорожные станции и перевалочные базы, на которые прибывают трубы.

На девятом километре пути мы пересекли недавно построенную заасфальтированную дорогу Приютово — Белебей. Около перекрестка стояли четыре фургончика. От каждого из них тянулись резиновые шланги к трубе газопровода, которая в этом месте выходила из земли.

На бровке дороги сидели молодые рабочие в замасленных комбинезонах.

— Черта гнать будут, — сказал шофер, посмеиваясь. — Ох, и загудит в трубе, а выскочит как пробка из бутылки с шампанским!

Чертом строители между собой называют ерша, который пропускается по трубам для того, чтобы очистить их от грязи, инструментов, которые могли быть случайно оставлены при монтаже.

Делается это так. Участок газопровода длиной в несколько километров закрывают с обеих сторон сферическими заглушками. В образовавшийся отсек нагнетают компрессорами сжатый воздух.

Когда давление в трубе, которая становится своего рода баллоном, достигает шести атмосфер, открывают одну задвижку. Воздух устремляется через нее в другой отрезок трубы, давит на «ерша» — пробку из металла и резины — и гонит его вперед. Все, что попадается на пути, ерш захватывает с собой и через несколько минут выбрасывает наружу.

Потом эту процедуру проделают в обратном порядке: в прочищенную трубу накачают воздух, а ерш вставят в ту, которая была «баллоном».

Продувается весь газопровод, отрезок за отрезком.

Миновав несколько молодых рощиц, мы, наконец, добрались до открытой траншеи. Сбоку ее, свободно

изгибаясь на неровностях, лежала труба. Обмотанная сверху желтоватой бумагой, она была похожа на длинную вытащенную из воды макаронину.

Через пять минут я был у строителей первой механизированной колонны, командовал которой Сергей Белозеров.

МАШИНЫ, МАШИНЫ, МАШИНЫ

Первое, что бросается в глаза, когда вы попадаете к изолировщикам, — это обилие техники. Сравнительно недавно рабочие, вооружившись стальными щетками и наждачной бумагой, чистили трубы вручную. Над ними всегда висело облако пыли из окалины и ржавчины. Таким же способом накладывалась на трубы грунтовка и изоляция.

Теперь ручной труд сведен до минимума. Все основные работы делают машины.

Впереди механизированной колонны, вдоль сваренных на земле труб, шел разведчик-бульдозер и устранил все неровности на пути машин — планировал местность, как говорят строителей. На пути пень. Молодой бульдозерист Камиль Хабиров «нацелил» нож машины под корень. Рывок — и пень выскочил из земли, как выдернутый зуб. Теперь яму-дупло нужно засыпать землей, иначе в нее может попасть колесо очистной машины.

За Камилем задержки не бывает, вон как далеко ушел от колонны, впереди которой идут два трактора-трубоукладчики. Трубоукладчики медленно ползут вперед, поддерживая с помощью тросов трубу на определенной высоте, а между ними двигается очистная машина. Стальные скребки, а за ними щетки, шипя и повизгивая, крутятся вокруг трубы, счищая с нее грязь, ржавчину и окалину.

За вторым трубоукладчиком идет вторая очистная машина с приспособлением для механической грунтовки трубопровода специальной мастикой из битума и бензина. Сзади опять поддерживает трубу на весу трубоукладчик, и, наконец, замыкает шествие техники изоляционная машина. С ее помощью труба обво-

лакивается расплавленной битумной мастикой и обертывается крафт-бумагой.

Сбоку колонны таращится трактор: тащит котел с битумом, установленный на железные сани.

Всей техникой управляют девять человек.

Здесь же около машин работают в брезентовых спецовках, залитых мастикой, изолировщики. Мастика толстым слоем налипла на подошвы ботинок. Издали рабочие похожи на водолазов.

— Сегодня закончим пораньше, — сказал Белозеров. — Артисты должны приехать с концертом. Надо успеть привести себя в порядок, побриться.

— А откуда артисты? — спросил у начальника колонны пожилой рабочий.

— Наши шефы — комсомольцы из второй конторы турбинного бурения.

Спустя полчаса рабочие уже стояли в кузове автомашины и ехали на стан.

Машина остановилась у вагончика на резиновом ходу. Это столовая. На столе возле вагончика играет патефон, видимо специально заведенный к приезду рабочих.

В столовой чисто. На окнах марлевые занавески, на столе цветы. Пол застлан белой бумагой.

Повару все-таки показалось этого мало. Для полного комфорта он обил стены плакатами с изображением сварочной головки, трансформатора, котла смесителя «УБ-2», установки для приготовления битумной изоляции, электрической и гидравлической схем агрегата.

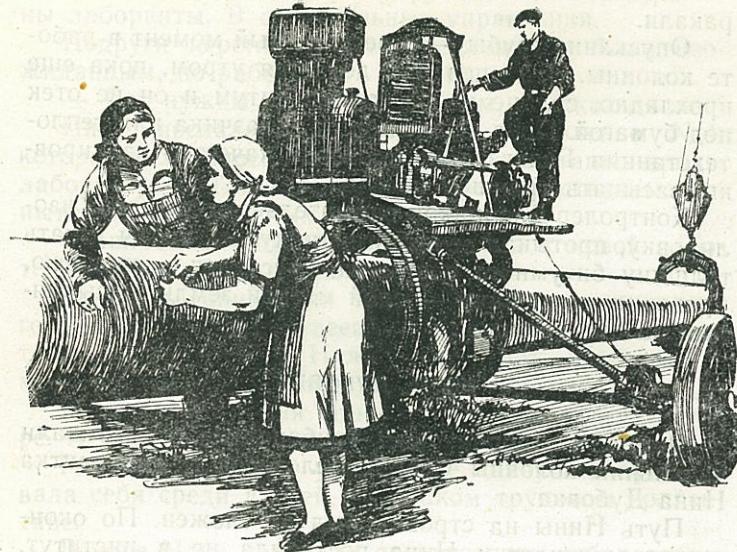
После обеда все вышли на улицу.

Кто-то крикнул: «Артисты приехали!» — и все зашумели, потянувшись к деревне.

Народу набралось в клубе — яблоку негде упасть. Сделалось жарко, лица артистов и зрителей покрылись капельками пота.

Но никто не ушел с концерта. Каждый номер встречали и провожали аплодисментами, которым по завидовали бы и профессиональные артисты.

Как только участники самодеятельности Люция Аминева и Галя Нурулова спели дуэтом «Гуцулку Ксению», не выдержало сердце Берты Аслановой и

Нины Дубовки. Встали они и прошли за кулисы, а когда занавес снова открылся, девушек из строительной колонны увидели уже на сцене. Они тоже пели дуэтом.

...На другой день утро выдалось необыкновенно ясным. Легкий ветерок полоскал полотняные домики строителей.

В палатке было свежо, ребята спали, укрывшись одеялом с головой. Бывших солдат среди них можно узнать сразу: портянки обернуты вокруг голенищ, спецодежда сложена на табуретке аккуратной стопкой.

На столе полбуханки хлеба, банка с маслом, чайник. На полу стоял большой, похожий на ледокол утюг, а у входа — бачок со свернутым набок краном.

Поднимались быстро. Белозеров толкнул соседа по койке, тот — другого, и пошло. Кто-то взял гармонь и заиграл плясовую...

Через четверть часа все сидели в столовой и завтракали.

Опускание трубы — ответственный момент в работе колонны. Эта операция делается утром, пока еще прохладно, солнце не растопило битум и он не отек под бумагой. Пока контролер от заказчика или теплотехстанции Главгаза не проверит качество изолировки, засыпать траншеи нельзя.

Контролер Дворников внимательно осматривал изолировку, протыкал ее штангенциркулем, чтобы узнать толщину битумного покрытия, спустился в траншею, проверил «подушку» — слой мягкой земли, насыпанный на дно траншей.

НИНА ДУБОВКА

Вместе с Дворниковым трубопровод осматривали начальник колонны Сергей Белозеров и лаборантка Нина Дубовка.

Путь Нины на стройку был не сложен. По окончании десятилетки Нина поступила не в институт, а в нефтяной техникум, сразу на третий курс.

Быстро пролетели годы учебы. И вот практика — проверка знаний студента на деле. Первое в жизни серьезное испытание.

Три с половиной месяца работала Нина в Туймазинском районе, строила дома для нефтяников. Здесь она впервые увидела близко труд рабочего, научилась его понимать и ценить.

После практики подготовка к защите диплома. А между тем в техникуме уже вывесили списки мест, куда будут направлять выпускников. То и дело слышались названия городов: Казань, Пермь, Гурьев, Сызрань, Рязань.

Нинина подруга Надя Яценко предложила:

— Поедем в Башкирию.

— Верно, Надюша, — загорелась Дубовка. — На шкаповскую нефтяную целину. Ой, как здорово! Места нам знакомые по практике.

Через месяц девушки были уже в Уфе, в тресте «Востокнефтепроводстрой».

— Хорошо, что приехали, — сказали там девуш-

кам. — Только, знаете, уж выручайте. До зарезу нужны лаборанты. В строительные управление.

Подруги переглянулись. Предложение было неожиданным, но работа есть работа.

— Раз нужны — значит пойдем, — сказали они.

Нину послали в строительное управление № 4, которое находилось в Субханкулово, в стационарную лабораторию. Там проводились производственные испытания строительных материалов.

С увлечением приступила девушка к новой работе. Все было ново и интересно.

Однажды начальник производственно-технического отдела Борис Матвеевич Ходес послал Нину на трассу трубопровода. Нужно было взять пробы битума и проверить качество строительных работ.

Вместо одного дня Нина пробыла на трассе четыре. А вскоре снова уехала на неделю.

Работа на трассе увлекла ее. Девушка чувствовала себя среди друзей, в крепком трудовом коллективе.

Вскоре Нине поручили организовать лабораторию на трассе газопровода Шкапово — Магнитогорск. Это было для нее большой радостью. Нина стала готовиться к переезду. Получила оборудование, подобрала необходимую для работы в полевых условиях техническую литературу.

Колонна остановилась в Ик-Вершине, а работу начали от газобензинового завода, или, как говорят строители, от нуля.

В первый же день Нине пришлось столкнуться с трудностями. Для ее приборов, которые она так тщательно готовила, отвели дырявую палатку. Капли дождя попадали на металлические части, оставляя после себя красные пятна ржавчины. Нина чистила аппараты и поглядывала в распахнутый полог, не покажется ли начальство из управления. Нет, она подготовилась не защищаться, а нападать.

— Давайте вагончик, — требовала Нина у начальника строительного управления Попова, — не для себя прошу, а для лаборатории.

Вагончик привезли. Старый, разбитый. Посредине стояла печка из кирпича, грязная, закоптелая.

Нина попросила, чтобы прислали столяра, велела обить стены фанерой, печку выбросить, сделать перегородки, столики, провести электричество.

Как-то на стан приехал главный инженер управления Василий Фролович Колесов. И не один, а с девушкой.

Нина видела ее на строительной площадке в Субханкулово. Знала, что комсомолка Аня Елистратова окончила Саратовский нефтепромысловый техникум.

— Вот тебе, Нина, ученицу привез, — сказал Василий Фролович. — Обучи ее как можно быстрее своему делу, и пусть едет в комсомольско-молодежную колонну, которая пойдет от пятьсот шестьдесят третьего пикета.

На другой день Нина и Аня выехали с рабочими на трассу. Как обычно, с утра производилась укладка труб в траншее.

Лаборантке в это время нужно было проверять качество изоляции с помощью специального прибора — детектора. Прибор состоит из аккумулятора и бобины.

— Операция эта несложная, — говорила Нина своей подопечной. — Поставил прибор на трубу, обхватил ее проводниками и веди за собой. Там, где есть пробоина в изоляции, проводок даст искру. На это место нужно обязательно поставить пластырь.

Аня быстро научилась обращаться с детектором. Тогда Нина показала, как брать пробу из битумоварочного котла. Рассказала, как должен загружаться котел по техническим условиям.

— Подожди, тебе еще экзамен рабочие учинят, — смеялась она. — Помню, я пришла в первый день на трассу, а один ехидно спрашивал: «Так как надо загружать котел?» — «На две трети», — отвечаю я. «А в процентном отношении? Я что-то забыл». Стала подробно объяснять ему: «В котле, говорю, тысяча семьсот литров. Значит, заполнять нужно тысячу двести литров. Из них восемьдесят процентов битума, пятнадцать каолина и пять — резиновой крошки». Ему и этого показалось мало, попросил проценты перевести в килограммы.

Потом Нина показала, как замерять температу-

ру в битумоварочном котле и испытывать пробы на температуру размягчения, на глубину проницания и растижимость.

Через неделю Аня знала уже все эти премудрости и могла выполнить любое задание.

Мне пришлось с Ниной Дубовкой ехать в рабочий поселок Бижбуляк. Машина вдруг резко затормозила. Мы уперлись в кабину локтями и посмотрели вперед. На обочине дороги стояли люди с лопатами в руках.

— Быстро, быстро! — крикнул шофер, и пешеходы, ловко перебрасывая ноги в тяжелых ботинках, вскочили в кузов.

— Рабочие из второй колонны, — сказала Нина. — Уже закончили... Ведь сегодня суббота.

— Ну, что нового у вас? — спросила она у строителей. — Боевой листок, надеюсь, выпустили?

Нина в своей колонне была членом редколлегии «Мы — легкая кавалерия». И теперь интересовалась, выпускается ли газета в другой колонне.

— Конечно, каждую неделю выходит.

— Эх, и концерт вчера нам шефы задали! — сказал подсевший паренек.

Рабочие стали наперебой рассказывать о выступлении в клубе участников художественной самодеятельности Бижбулякского дома культуры.

— Один там, Лева Петров из МТС, плясал «Барыню», ох, и хорошо!

— Не хвастайтесь, — засмеялась Нина, — у нас тоже выступали.

Скоро мы въехали в Бижбуляк.

Постройки Бижбуляка разбросаны в огромной котловине, труднодоступной для ветров. Было очень жарко, душно, как перед грозой. От экскаваторов и бульдозеров, поставленных на воскресенье около вагончиков, струилось волнистое марево. В палатках находиться было невозможно. Строители сидели на потрескавшейся земле и ждали машину, чтобы поехать на воскресенье в Субханкулово, где их ждали семьи.

Около одного из вагончиков машина остановилась. Рабочие выпрыгнули на землю. Сошли и Нина.

— Вот я и приехала, — сказала девушка.

ХОЗЯИН ЭКСКАВАТОРА

До армии Дмитрий Мельник работал на шахте. Озокерит добывал. Призвали на службу, там стал строителем. Мосты возводил, дороги прокладывал. Заветной мечтой парня было поработать на экскаваторе. Уж очень умная машина экскаватор, но в армии мечту осуществить так и не пришлось. Поэтому, как только демобилизовался, сразу же поступил на курсы механизаторов в Саратове.

Через пять месяцев молодой рабочий, окончив курсы, получил первое трудовое крещение.

Вот как об этом рассказывает сам Дмитрий Мельник.

— Когда удостоверение машиниста экскаватора оказалось у меня в кармане, я думал, что теперь мне все доступно. А на практике вышло по-другому. Чего скрывать, не всегда даже мог попасть ковшом в нужную точку. Спасибо Илье Романову, бригадиру. Погонял он нас, желторотых, по полигону. Бывало, разгорячится, кричит во все горло:

«Тренируй, такой-сякой, руку на ход реверса! Тогда не будешь перебрасывать ковш».

А потом отойдет, спросит тихо:

«Ну, не замерз?»

«Да нет, кажется. Спасибо».

А чего уж нет, зуб на зуб у самого не попадает.

«Ну, а коли не замерз, давай еще снежок покопаем. Дело полезное».

Так и ковырялись со своими экскаваторами с утра до вечера на холоде да на ветру.

Потом послали меня вместе с Владимиром Забуравкиным на трассу. Работали мы с ним сначала вместе: он экскаваторщиком, а я помощником у него. Но вскоре я предложил разделиться по сменам. Забуравкин не возражал, он рассчитывал, что обгонит меня.

И вдруг на третий сутки ему говорят: «Мельник тебя обошел».

Владимир ко мне:

«В чем дело, почему?»

«Очень просто, ты делаешь слишком короткие передвижки и потому не можешь набрать полный ковш».

Говорю это и не верю себе. Как, неужели я, Мельник, учу других?! Вот это да!

Романов меня похвалил. Велел и впредь с умом относиться к делу.

Однажды я рыл траншею на склоне. Когда нужно было отъезжать назад, я выключил тормоз, для того чтобы сделать переключение скоростей и передвинуться. Но экскаватор неожиданно сам покатился с уклона.

«Эге, — думаю, — оказывается, на склонах можно передвигаться без переключения скоростей. Это же прямое увеличение производительности труда, ведь на каждое переключение уходит полторы-две минуты».

А на ровном месте как быть?

Стал думать.

И вдруг вспомнил, как однажды при рытье забоя экскаватор соскочил с тормоза и поехал вперед — это ковш его потянул.

И тогда я решил: «Значит, можно таким же образом делать передвижки и по ходу работы. Для этого нужно только повернуть стрелку на сто восемьдесят градусов и, зацепившись ковшом за землю, отпустить тормоз хода».

Попробовал. Получилось.

Помню, я невольно остановил экскаватор и принялся за расчеты.

За восемь часов работы я обычно делал около двухсот переключений с хода на поворот и с поворота на ход. На каждое из них и передвижку уходило полторы-две минуты. Таким образом, за рабочий день я терял около трех часов.

На одну подтяжку уходило десять секунд.

Сделав те же расчеты, я пришел к выводу, что смогу сэкономить целых два часа. За это время можно вырыть траншею длиною в сто метров.

В этот же вечер, конечно, рассказал о своем открытии ребятам.

Хафис Мусин удивился:

— Это ты серьезно? — и побежал к своему экскаватору проверить, правду я говорю или нет. Вышло по-моему.

Хафис со следующего дня решил последовать моему примеру, Василий Кукин — тоже.

— А как вы через Ик проходили? — спросил я.

Дмитрий смущенно и вместе с тем хитровато улыбнулся:

— Это не для печати.

— Почему?

— Там были слишком крутые берега, а по инструкции и технике безопасности ковшовый экскаватор может работать на склоне, крутизна которого не превышает пятнадцати градусов.

— Значит, неправильная инструкция? Надо ее изменить?

— Правильная. Экскаватор мог в любую минуту сорваться и даже опрокинуться. Такие склоны копаются вручную и в лучшем случае бульдозером.

— Зачем же вы нарушили правильную инструкцию?

— Ручным способом на рытье той траншеи ушел бы не один месяц, а мы ее сделали за шесть часов.

— И не опрокинулись?

— Меня страховали. Для этого на верху склона — на ровной местности — поставили бульдозер, к фаркопу его привязали трос, а другой конец прикрепили к ходовой раме моего экскаватора, который я поставил у воды.

Как только я вырыл первый забой, то сразу переключился на ход и дал сигнал бульдозеристу Шандастану Хисамееву. Он стал помогать мне подниматься кверху и до конца работы держал на тросах.

Так и вырыли всю траншею.

НИКОЛАЙ СВЕЧНИКОВ

Впервые я увидел его среди строителей, которых подвез шофер нашей машины к Бижбуляку. Невысокий, ничем не выделяющийся, он задумчиво смотрел перед собой. Ветер взъерошил его серые, пропыленные волосы, которые торчали во все стороны.

Может быть, он и не привлек бы особого внимания, если бы не одна характерная деталь. Сидевшие

рядом с юношей рабочие время от времени обращались к нему с какой-то особой почтительностью.

— Кто это? — спросил я у Дубовки.

— Контролер. От технадзора теплотехстанции Главгаза СССР.

И вот через день я ехал с комсомольцем Свечниковым по трассе газопровода.

— Вам повезло, — сказал Николай, — погода стоит хорошая, сухая.

«Ничего себе повезло, — думал я. — Жара такая, что нечем дышать».

— Ведь у нас так, — продолжал Свечников, — пройдет дождь, и по дороге можно будет только на тракторах пробираться. Грязь непролазная.

Дорога, по которой неслась машина, пролегала меж живописных холмов, которые стоят рядами, будто застывшие волны океана. На склонах лепятся небольшие деревушки с домами, повернутыми фасадами не на улицу, а один в затылок другому. Они будто идут гуськом по обеим сторонам дороги.

Дома сложены из тонких коротких бревен (чувствуется нехватка леса), а снаружи и изнутри обмазаны глиной. В таких постройках прохладно летом и тепло зимой.

— Вы давно в этих местах? — спросил я у Николая.

Паренек улыбнулся:

— С рождения.

Оказывается, он окончил Ишимбайский нефтяной техникум и уже успел поработать помощником бурильщика на нефтяных промыслах в Альметьевске, а потом, когда началось строительство газопровода Шкапово — Магнитогорск, перевелся на трассу контролером.

Исполнение новых обязанностей Свечников начал с ошибки. Это случилось на одном из переходов газопровода, идущего от основной магистрали к Стерлитамаку.

Под асфальтированной дорогой требовалось поставить патрон для трубопровода. Диаметр патрона указывался в проекте. Но строители поставили другой, а Свечников подписал акт о приеме работы.

Он сам понял, что допустил грубейшую ошибку, сам доложил о ней директору строительства газопровода, но это уже не меняло положения дела.

Ему тогда здорово влетело от начальства. Несколько дней он ходил словно в воду опущенный, ни с кем не разговаривал, думал, что теперь ему никогда больше не доверят ответственную работу.

После того случая Николай работал техником технадзора на сварочной площадке в Киргиз-Маяках, а в мае, когда приступили к изоляции газопровода, его перевели во вторую механизированную колонну.

На новом месте Николай еще раз познакомился с проектом. Узнав, что на пути у строителей много различных подземных коммуникаций, предупредил об этом прораба Романова.

С раннего утра до позднего вечера Свечников на трассе. Сколько пройдет он за день и в зной и в холод! Везде надо успеть. А чуть запоздал, рабочие уже окажутся без дела. Ведь только он может разрешить укладывать и засыпать подготовленный трубопровод.

А бывает и так...

Пришел как-то Свечников на объект и видит: у дома обходчика экскаваторщики вырыли траншею без положенного отступа в сторону. Сказал прорабу:

— Придется перекопать.

И участок длиною в триста метров был перекопан.

Другой раз строители опустили трубопровод в траншею, не сделав «подушку».

Свечников к начальнику колонны Габдрахманову:

— Шакир, нельзя так, труба положена на твердый грунт.

Трубопровод, конечно, вынули и сделали для него «подушку».

Много забот у контролера технадзора. Ему нужно следить, чтобы вырытая траншея соответствовала по ширине и глубине проекту, чтобы на твердом грунте лежала земляная подушка толщиной в двадцать тридцать сантиметров, а на опущенном трубопроводе имелась присыпка тоже из мягкой земли и такой же

толщины. Чтобы качественно была произведена сварка в местах, где имелись вырезки по причине брака в работе, на вставках катушек и кривых. Он же ведет контроль за испытаниями трубопровода под давлением, отвечает за качество изоляционных работ. Сейчас о Николае Свечникове строители говорят:

— Требовательный человек, но справедливый, а это в нашем деле основное.

ТРИ БРАТА

На другой день я вместе с начальником участка СМУ треста «Союзпроводмеханизация» Петром Андреевичем Романенко выехал на трассу. Более энергичного человека, чем Романенко, трудно представить. Везде он что-то решал, отдавал распоряжения, советовал, кого-нибудь ругал или хвалил.

— Прежде всего вам надо познакомиться с братьями Беловыми, — сказал он. И, не дожидаясь ответа, вскочил на мотоцикл. — Садитесь быстрее!

Попасть к Беловым «прежде всего», однако, не довелось. Романенко не мог проехать около экскаваторщиков так, чтобы не остановиться.

На болотистой местности мы подъехали к роторному экскаватору. Он был чем-то похож на пароход с огромным задним колесом, с той лишь разницей, что это колесо называлось ротором и вращалось не в воде, а под землей, вычерпывая своими стальными зубастыми «блициами» тонны земли. Земля выбрасывалась на транспортер, а с него поступала к отвалу.

За ротором оставалась глубокая ровная канава. На дне ее тотчас же появлялась вода, она медленно двигалась за экскаватором и никак не могла его догнать.

Из кабины вышел молодой паренек в майке, испачканной мазутом, с белыми как кипень зубами.

Паренек соскочил на землю и стал очищать транспортер и бункер от мокрой глинистой земли.

— Разве это работа? — сказал он, вытирая руки о траву. — Стены у канавы без конца обваливаются, приходится дополнительно делать очистку.

Романенко еще раз посмотрел в траншею и взъерошил волосы:

— Ладно, переходим вон к тому лесочку, а здесь пока подождем, посмотрим, сколько воды будет, и решим...

Через четверть часа мы были уже у другого роторного экскаватора. Ротор был поднят. Под ним звенели ключами машинист и его помощник. Они снимали толстые поломанные зубья и днища ковшей. То, что было зубьями, валялось тут же на земле, точно для того, чтобы показать силу схватки природы с человеком.

— Вот дармоеды! Пищут, суглиноч, а здесь мергель, — слышалось из-под ротора. — Рвем машину.

Романенко покачал головой.

— Вот смотрите, что получается, — сказал он. — На суглинистой почве зубьев хватает на двенадцать-пятнадцать километров. А они, — он кивнул на механизаторов, — прошли с километр за четыре дня и все поломали. И винить их нельзя. Здесь сам черт зубы сломает. Надо будет нормировщика вызвать. Пусть посмотрит, как лазают в траншею и руками вытаскивают камень.

На дороге показалась грузовая машина с двумя рабочими в кузове.

Романенко выскоцил на дорогу и махнул рукой. Они забарарабанили по кабине, и машина, заскрипев тормозами, остановилась.

— Вы как раз нам и нужны, — сказал Петр подошедшем. — Как там у рощи грунт?

— Ничего. Работать можно, — сказал один, спрыгивая на землю.

Только сейчас я заметил, как эти двое похожи на машиниста, который ремонтировал ротор.

Братья Беловы родились в деревне Яковлево Оренбургской области. Они рано лишились отца; младший, Борис, даже не помнил его, воспитывались матерью, работавшей в колхозе.

Старший, Михаил, первым ушел в армию, служил в пехоте. Первым он и вернулся. Окончил курсы шоферов и уехал на строительство трубопроводов,

Здесь, на трассе, у него зародилась мечта стать экскаваторщиком.

А когда сел за рычаги комбайна, роющего землю, то лучшей работы уже и не видел для себя. Много земли вынул Михаил, работая на трассах нефтепроводов Бавлы — Куйбышев, Ромашково — Куйбышев, Шкапово — Ишимбай, Альметьевск — Пермь, Альметьевск — Горький.

Вскоре на строительство приехал и младший брат Борис.

— Ну, Миша, обучай меня своему ремеслу, хочу, как и ты, покоряться в земле, — сказал он.

Стали они работать на одном экскаваторе: Михаил — машинистом, Борис — помощником.

До прихода Бориса у Михаила был помощником опытный экскаваторщик. С ним Михаил выполнял дневные нормы на сто двадцать — сто пятьдесят процентов.

А теперь выработка упала. Михаилу приходилось трудно. Нужно было заботиться о плане и учить брата, что требовало много времени.

Борис старался изо всех сил. Что всего труднее давалось ему, так это переключение транспортной скорости на рабочую.

Здесь нужна была особая плавность, а где было ее взять Борису, энергичному, порывистому пареньку.

А Михаил сидел рядом, учил, подсказывал, как лучше.

Борис по десятку раз проделывал эту операцию, пока не добивался плавного включения. Через месяц

он уже ловко орудовал рычагами, мог самостоятельно вставать в забой и выезжать из забоя по окончании работы, копал ровные, прямые траншеи.

Работая вместе, Михаил и Борис заметили, что на косогорах, когда угол подъема транспортера увеличивался, земля с него падала близко к траншее и даже в траншею. Братьям приходилось выключать экскаватор и браться за лопаты, откапывать землю.

Однажды Михаил сказал:

— А что, если нам удлинить транспортер?

— Будет неплохо, — живо отозвался Борис.

Вечером, на стане, они рассказали о своей идее прорабу. Он поддержал их.

Не откладывая, братья удлинили транспортер, что позволило увеличить производительность на десять процентов.

Однажды, уже осенью, Михаил сказал Борису:

— Ваня прислал письмо. Просится к нам. Думаю со следующей весны взять его к себе в помощники. А ты теперь уже на ногах и можешь работать с другим.

В мае 1957 года на месте Бориса уже сидел Иван. И опять начались для Михаила беспокойные денечки. Приходилось начинать все с азов.

В июле начальник участка сказал Борису:

— Принимай экскаватор. Будешь работать самостоятельно.

Этот день был для братьев праздником.

Михаил напутствовал:

— Ну, смотри не подведи. Не зря же я тебя учил. А вечером за ужином Борис доложил:

— Выполнил задание на сто пять процентов.

Михаил обнял брата.

— Ну, молодец. Поздравляю. Будем теперь соревноваться.

Когда началось строительство газопровода Шкапово—Магнитогорск, братья решили пойти в управление и сказать, чтобы их послали на комсомольскую стройку.

Просьбу братьев Беловых удовлетворили. В последних числах апреля они уже выехали из Бугульмы на трассу. Техника была переправлена поездом.

Жили братья в маленькой деревне Игнашкино. На работу ездили на тракторах, потому что дороги развезло.

А что это была за работа!

Липкая земля приставала к ленте транспортера, забивала ковши. Приходилось то и дело останавливаться и чистить их лопатой и ломом.

Потом глина кончилась, но легче не стало. В девяти километрах от Приютова Михаилу с Иваном поручили вырыть перемычку длиной в девятьсот метров.

Там уже пытались работать другие экскаваторщики, но отступились. Слишком тяжелый был грунт. Камень на камне, словно их специально складывали рядами.

Михаил решил работать в три захода. Сначала снять верхний слой толщиной в восемьдесят сантиметров, потом еще пройтись два раза, снимая по сорок сантиметров за каждый заход.

При рытье приходилось быть предельно осторожным. Если попадался большой камень, Михаил останавливал машину, братья лезли в траншее, выворачивали глыбу ломом и вытаскивали наверх руками.

Экскаваторщики преодолели все трудности. Скоро перемычка была прорыта и трубы уложены в траншее.

ТРЕТЬЯ МЕХАНИЗИРОВАННАЯ

В этой колонне одна молодежь. Большинство комсомольцы. В связи с тем что строители решили закончить газопровод Шкапово—Ишимбай на месяц раньше срока, коллектив колонны обязался заизолировать и уложить в июне четырнадцать километров газопровода. За три недели было уже сделано одиннадцать километров.

— Вот хорошо, что приехал, — сказал начальник колонны Гришков, здороваясь с Романенко. — Пойдем.

Не выпуская его руки, он повел начальника участка вдоль траншеи к оврагу.

— Смотри.

Романенко заглянул в траншею.

— Ты вдоль нее смотри. Видишь, что наделал твой экскаваторщик Петр Серенко? Шел прямо, а потом полез в сторону, к дому обходчика.

Небольшие голубые глаза Романенко расширились:

— Сюда же труба не ляжет. Ну, я ему дам! — Он быстро перешел по трубопроводу на другую сторону оврага и опять посмотрел на кривую траншею. — Вот я его заставлю все перекопать за его счет, чтобы в следующий раз обоими глазами смотрел и не врал. Ведь он мне после этой работы большой палец показывал: «Во, сделал!»

Романенко распался. Лицо и шея у него покраснели, губы нервно кривились при разговоре. Он качал головой, пожимал плечами, чесал в затылке, а потом вдруг, не сказав ни слова, вскочил на мотоцикл и с бешеною скоростью заплыл по дороге.

Вениамин Данилович Гришков посмотрел ему вслед, на вздувшуюся пузырем рубашку, и молча развел руками.

Мы подошли к изоляционной машине, около которой хлопотал небольшой жилистый паренек с лицом, густо вымазанным сажей.

— Это наш комсомольский групп Гайса Давлетшин, — сказал Вениамин Данилович.

Работу механизаторов в изолировочной колонне можно сравнить с работой на конвейере. Там и тут задержка на одной операции ведет к простою всего коллектива.

Это помнит Гайса Давлетшин и каждую свободную минуту использует для того, чтобы еще раз проверить свою изоляционную машину или помочь товарищу.

На дороге затарахтел мотоцикл. Это возвращался Петр Романенко. В коляске у него сидел высокий парень в рабочей куртке.

Около оврага мотоцикл остановился, и они оба подошли к траншее.

— Вот полюбуйся на свою работу, — послышал-

ся раздраженный голос начальника участка. — Чего же ты мне палец к носу совал, хвастался? Переделать завтра же с утра.

— Успеется, — невозмутимо ответил парень, — делайте лучше разбивку.

— Петю Серенко привез, — улыбнулся Гайса. — Сейчас он ему нагонит температуру.

Я подошел к рабочим, которые готовились накладывать усиленную изоляцию. Эта изоляция применяется, когда грунты насыщены так называемыми агрессивными водами с наличием кислот, солей и блуждающих электротоков, которые разрушают поверхность трубы.

Как только машины спустились по трубе в овраг, нанеся нормальную изоляцию, рабочие начали выливать расплавленный битум на обернутую гидроизолом трубу. Мастика стекала на широкое брезентовое полотенце, которое держали под трубой изолировщики, и не просто держали, а «штурвали», как они говорят, то есть, прижимая полотенце к низу трубы, тянули его то в одну сторону, то в другую и так постепенно продвигались вперед.

Все, что не «приклеивалось» к трубе, ручьями стекало по обе стороны полотенца на землю.

— Вот полюбуйтесь, — сказал Гришков. — Сердце обливается кровью. Согласно проекту от пятьсот шестьдесят третьего пикета по шестьсот шестьдесят третий пикет мне нужно сделать усиленную изоляцию на протяжении почти трех километров и больше чем на полкилометра весьма усиленную.

Вся дорога под трубопроводом была залита напрасно загубленным битумом. И это тогда, когда его не хватает то на одном участке, то на другом и механизированные колонны порой вынуждены простоять. В больших потерях битума строителей нельзя обвинить. Они вкладывали все свое умение, чтобы сократить его расходы. Но что они могли сделать!

Им могут помочь только конструкторы. Нужны машины для производства усиленной и весьма усиленной изоляции. А таких машин на стройке не было.

У МОНТАЖНИКОВ

Машина подъехала к вагончикам, около которых ремонтировался гусеничный трактор-тягач. Здесь находился ремонтный ряд. А левее, выстроившись в линию, стояли исправные автокраны, тракторы-тягачи, грузовые автомобили.

На площадке было шумно и оживленно. Тарахтели трубоукладчики, слышались бесконечные то глухие, то звонкие удары молота, рокотали передвижные электростанции.

Работала уже вторая смена.

Трубоукладчик подъезжал к штабелям труб, цепляя сразу по три штуки крючками и отходил к стеллажам. Здесь слесари-монтажники огромными напильниками зачищали фаски на концах труб, потом внутрь каждой забивали кувалдами железные кольца, так чтобы половина их выступала наружу.

Подходил сварщик и приваривал кольцо изнутри в нескольких местах.

Слесари-монтажники брали специальный инструмент наподобие ломика со щелью для захвата—вальцовку — и с его помощью загибали выступавшие края кольца чуть-чуть внутрь, чтобы можно было надеть другую трубу.

Такая же работа проделывалась со второй трубой, с третьей, с четвертой и с пятой, на которую должна была надеваться последняя шестая труба.

Как только все шесть труб были соединены в звено, их сварили между собой в нескольких местах: прихватили, как говорят монтажники.

Вся остальная работа выполняется при помощи автоматической сварки. Труба вращается на опорных роликах с помощью специального электрического устройства — вращателя, а в это время ее сваривают. Но не вручную, а специальным автоматом, который устанавливается на верху трубы и очень похож на узкопленочный киноаппарат, только вместо ленты в кассете вставлена электродная проволока.

Работа шла сразу на трех стеллажах. Готовые звенья грузились на тракторные прицепы и отправлялись на трассу.

На ночевку меня устроили в домике обходчика, где жили автосварщик Маскут Ахметьянов, электросварщик-прихватчик Александр Байдин и мастер участка Айрат Кильдияров.

Айрат был секретарем комсомольской организации СМУ-74.

Ребята живут по-походному. Кроме кроватей, ничего нет. От косяка одной двери до косяка другой натянута толстая проволока. На ней висят рубашки, носки, полотенца.

В одном углу лежат пучки редиски, в другом — стоит батарея бутылок с вишневым напитком — «Эликсир бодрости», как в шутку называют его монтажники. Они охлаждают его в колодце и пьют в жару.

— Трудно в наших условиях работать с комсомольцами, — заметил Айрат. — Все участки раскиданы по разным местам. Ребята работают и в Татарии и в отдаленных районах Башкирии. Попробуй-ка собери всех вместе на собрание. А нужно! На одном из собраний мы решили включиться в соревнование за экономию материалов, вложить в «комсомольскую копилку» сто пятьдесят тысяч рублей. Стали думать, на чем можем экономить. Провели на монтажных участках рейды «легкой кавалерии» по выявлению резервов. И что же увидели? Взять, скажем, сварщиков. Прежде чем приступить к делу, они должны варить катушку, которая испытывается потом на качество сварного шва. Если шов хороший, сварщика допускают к работе. Так вот, образцы для механических испытаний сварщики резали по метру, в то время как для этого нужно двадцать — двадцать пять сантиметров. А ведь каждый метр трубы стоит сто сорок — сто шестьдесят рублей.

Не экономили сварщики и электроды: используют до половины и берут новый. А килограмм электродов стоит несколько рублей.

С горюче-смазочными материалами обращались у нас тоже халатно. Если на трассе выходил из строя агрегат, то мотористу ничего не стоило отвернуть пробку и вылить масло прямо на землю.

Комитет ВЛКСМ попросил лучших рабочих рас-

сказать монтажникам о путях экономии материалов, а комсомольцев обязали следить за тем, как строители относятся к материалам и инструментам, одергивать расточителей государственного добра.

К открытию XIII съезда комсомола Кировский райком ВЛКСМ города Уфы подвел итоги соревнования. К тому времени наша комсомольская организация сэкономила сто тридцать пять тысяч рублей и завоевала переходящий вымпел райкома.

Жизнь на площадке начинается рано утром. В пять часов уже застучал двигатель электростанции, затарахтели тракторы, и все вокруг наполнилось шумом трудового дня. Первая смена приступила к сварке труб. Вот трудится Маскут Ахметьянов.

Его не узнать. Лицо сосредоточенное и даже строгое. Движения расчетливые, точные. Вот он укрепил сварочный автомат на очередной стык, направил электрод в канавку между труб, нажал кнопку на панельке, которая смонтирована здесь же.

Лежавшая на кондукторе плеть из шести труб стала вращаться, затрещал автомат, наплавливая на стыке ровный красивый шов металла.

— Можете засечь время, — сказал Маскут, — за семь минут будут положены оба шва. А по норме на сварку одного стыка дается двадцать одна минута.

В глаза бросалась слаженность работы всей бригады: сварщика, машиниста и подручного.

Комсомолец машинист Виктор Леденеев помогал наматывать сварочную проволоку в кассеты и не забывал следить за своим дизелем.

Подручный успевал подсыпать в бункер сварочной головки флюсы, заменять кассеты и обивать шлак от ручной прихватки.

Что же главное в работе электросварщика? Как удается ему вырабатывать по три с половиной и четыре нормы в смену?

Самое главное — подобрать наилучший режим сварки: нужное напряжение, силу тока, скорость вращения трубы, скорость подачи проволоки и ее диаметр. Между всеми этими условиями существует тесная зависимость.

У каждого сварщика свои приемы, которые вырабатываются с годами.

Необходимо, чтобы шов был качественным, определенной ширины и с нормальным усилением, то есть наваркой (она должна выступать на один-два миллиметра). Труба при этом за семь минут делает два оборота вокруг своей оси. Первый шов варится за три минуты, второй — за четыре.

— Да что ж, с такой техникой стыдно плохо работать! — добавляет Ахметьянов и снова берется за сварочную головку.

На стоянке машин командовал механик Ханиф Базикеев. В прошлом морской офицер, он и здесь требует от механизаторов четкости и организованности. Белый китель Базикеева виден то в одном месте, то в другом. От зоркого взгляда не ускользает ни одна мелочь. А работы у Базикеева много.

На участке шестьдесят пять машин, и за все отвечает он. Там надо проконтролировать, как действует электростанция, а там — как идут профилактические работы на тракторе.

Недавно Базикеев совместно с электриком Мартынсом Яковом Григорьевичем, известным рационализатором СМУ-74, переконструировали сварочный полуавтомат, снабдив его дополнительным генерато-

ром переменного тока и трансформаторами. Это нововведение позволило сварщикам увеличить производительность труда на тридцать процентов.

Теперь у Базикеева наступили особенно напряженные дни. Монтажники закончили прокладку трубопровода на одном из участков трассы и уже начали работу на другом месте, в значительном отдалении. Требовалось подготовить и технику к переброске на новую точку, туда, где вот-вот должен был обосноваться монтажный участок.

ОТ САЛАВАТА ДО ВЕРХНЕГО АВЗЯНА

У комсомольцев Салавата, Ишимбая и Стерлитамака, этих трех жемчужин башкирской нефтехимии, особый интерес к строящемуся газопроводу. Все три города получат шкаповский газ. Уже строятся ответвления от основной магистрали, и недалек тот день, когда в топках котельных и на кухнях у горожан загорятся голубые огоньки.

На XIII съезде ВЛКСМ стройка газопровода была объявлена комсомольской.

Вскоре после съезда в Салавате состоялся городской актив комсомола. Молодежь решила взять шефство над строительством газопровода на отрезке протяженностью более ста километров — от Салавата до Верхнего Авзяна.

Работники горкома ВЛКСМ, комсомольские активисты поинтересовались прежде всего, в какой помощи нуждается строительство. Выяснилось, что в трестах «Востокнефтепроводстрой» и «Нефтепроводмонтаж» не хватало рабочих.

— Нам нужны плотники, — сказали в строительном управлении треста «Востокнефтепроводстрой».

— У нас недостаточно сварщиков, — сообщили из треста «Нефтепроводмонтаж».

9 и 10 мая состоялись выборные комсомольские собрания СУ-2 «Востокнефтепроводстрой» и СУ-2 «Нефтепроводмонтаж» в Салавате. Сюда съехались комсомольцы со всех участков строительства. На собраниях были избраны члены бюро ВЛКСМ.

Секретарем комсомольской организации в СУ-2 треста «Востокнефтепроводстрой» стал Владимир Шабаев, а в СУ-2 треста «Нефтепроводмонтаж» Николай Кравченко.

Вскоре горком ВЛКСМ обратился к молодежи города с призывом: пойти работать плотниками на строительство.

На второй день в горком комсомола стали поступать заявления от юношей и девушек с просьбой направить их на строительство газопровода.

Заявлений было очень много. Даже те, кто никогда не держал в руках топора и рубанка, захотели стать плотниками и поехать на строительство.

Чтобы не было несогласованности, ГК ВЛКСМ предложил каждой строительной организации выделить по два высококвалифицированных плотника.

Одновременно работники горкома комсомола послали в строительные организации города письма, в которых говорилось:

«Салаватская городская комсомольская организация шефствует над газопроводом Шкапово — Магнитогорск на участке Салават — Верхний Авзян.

Газопровод должен быть закончен раньше намеченного срока, для чего требуется активное участие не только молодежи, работающей на трассе, но всех комсомольцев города.

От вашей организации просим направить по комсомольской командировке сроком до одного месяца одного или двух сварщиков 6—7-го разряда».

Письма не оставались без ответа.

Сварщики были откомандированы на строительство газопровода.

А перед горкомом комсомола вставали все новые задачи.

У секретаря Салаватского ГК ВЛКСМ на столе лежит листок, исписанный крупным почерком. Это план-график культурно-массового обслуживания строителей газопровода.

По графику коллективы художественной самодеятельности Салавата должны три-четыре раза в неделю выезжать на строительные объекты. С концертами выступают самодеятельные коллективы швейной фа-

брики, Горместпромкомбината, трудовых резервов, автотранспортной конторы, Комбината № 18 и других промышленных и строительных организаций, а также коллективы клубов и учебных заведений.

В День советской молодежи горком решил послать пять агитколлективов на все участки газопровода.

Первый концерт был проведен в Богдановке, во второй механизированной колонне, силами коллектива самодеятельности Салаватского машиностроительного завода.

— Представьте, — говорит секретарь горкома Диана Пономарева, — артисты наши не очень-то с охотой поехали. Дороги испугались. Но им так понравилось на трассе, что уже на другой день в горком пришла секретарь комсомольской организации завода Мария Анчина и заявила, что они решили со своим коллективом проехать по всей трассе до Верхнего Авзяна и дать несколько концертов. Вместе с ними едет группа студентов Уфимского медицинского института, которые проходят практику в Салавате. Будущие врачи прочитают лекции на медицинские темы.

Вместе с салаватской городской комсомольской организацией надстройкой газопровода шефствует Ишимбайский горком ВЛКСМ.

До слета энергетиков, который проводился в Уфе в первых числах июня, вожаки двух городских комсомольских организаций Диана Пономарева и Анатолий Карпев встречались в основном на совещаниях и конференциях. У каждого были свои дела и заботы, совместно решать вопросы не приходилось. Другое дело теперь, когда строится трасса. Она привлекла к себе внимание комсомольцев двух городов. Когда возвращались из Уфы, Пономарева предложила Анатолию:

— Поедем вместе на трассу. Познакомимся с жизнью комсомольцев на участках. Узнаем их нужды. Поможем наладить комсомольскую работу.

На другой день секретари уже мчались на машине по горным дорогам к Верхнему Авзяну — последнему пункту участка трассы, над которым городские комсомольские организации взяли шефство.

Поездка принесла пользу. Не везде были созданы комсомольские группы. Останавливались, проводили собрания. Комсомольцы выбирали группоров, членов редколлегий боевых листков.

В Тимашевке Пономарева и Карпев помогли организовать комсомольско-молодежный стеллаж, в Зигановке — комсомольско-молодежную бригаду, в Верхнем Авзяне — тоже комсомольско-молодежный стеллаж.

Вернувшись домой, секретари связались с главным инженером строительного управления треста «Нефтепроводмонтаж» Курдюмовым и сообщили ему о просьбах комсомольцев трассы.

— На Верхний Авзян ходят по четыре-пять трубоузов, — говорила Пономарева Ананию Ивановичу. — Это непростительно мало.

— Хорошо. Будем исправлять положение, — отвечал Курдюмов. — Пошлем туда пятнадцать трубоузов. А с двадцать третьего июня дадим еще десять машин.

Ишимбайские комсомольцы решили последовать примеру салаватовцев. Они послали строителям кинопередвижку, выезжают на трассу газопровода с концертами художественной самодеятельности, собирают библиотечки.

НА РЕКЕ БЕЛОЙ

Эта река является едва ли не самой трудной водной преградой из всех семнадцати рек-преград, которые встретились строителям на первых ста девяноста трех километрах трассы.

Низкая заболоченная пойма. По ней даже трактор не пройдет на своих широких гусеницах. Но другого места для прокладки газопровода нет.

Вырыть траншею в пойме реки поручили комсомольско-молодежному экипажу экскаватора «Э-505».

Машиниста экскаватора Михаила Серветника и его помощника комсомольца Ивана Ширяева товарищи в шутку называли «водолазами». Серветника и Ширяева всегда посылали на самые трудные водные

переходы, и не было случая, чтобы молодые механизаторы не оправдывали доверия, подвели.

Наступление на реку началось.

Огромный «ковровец» работал на сланях из бревен.

Ковш то и дело опускался в залитую водой траншею, вгрызался в грунт и потом выходил, наполненный густой кашицей из земли и песка. Грязные струйки воды стекали в траншею, а за ними через мгновение плюхался и ковш.

Впереди экскаватора лежало озеро Зереклы-Куль, а дальше трясины — почти до самого берега реки. Земля под ногами от гудения мощного «ковровца» содрогалась, словно в ознобе.

Когда экскаватору нужно было продвинуться вперед, он сначала брал своим хоботом высвобождавшийся из-под гусениц стеллаж из трех скрепленных вместе бревен и подкладывал его себе с другой стороны, чтобы тотчас же опереться на него своими стальными латами и снова продолжить прерванную работу.

На противоположном берегу реки стояли палатки специализированного управления подводнотехнических работ, или, как их здесь называют, супетеэровцев.

Управление это прокладывает трубопроводы через водоемы. Траншею на дне реки Белой рыли с помощью тракторов и скрепера. Делалось это так: трактор тянул по дну реки с помощью троса огромный ковш. Когда машина отходила от реки метров на двести, ковш выполз на берег. Он был доверху набит мелкой и крупной галькой. Трактор продолжал удаляться. Железный ковш медленно, со скрежетом заползал на насыпь из такой же гальки. Вот он уже и на вершине ее, где сидит в трусах загорелый паренек с флагжком на длинной палке.

Взмах флагжком, и ковш, оставив содержимое на насыпи, шел назад, с шумом въезжал в воду и скрывался. Теперь его тянул трактор, находившийся на другом берегу. По воде, удаляясь от берега, шли мутные круги. Это ковш полз по дну, соскребая в свое нутро грунт.

Балашов словно был создан для подводных работ. Рослый, плечистый. Руки и ноги будто из железа. Такому не трудно носить на себе тяжелое водолазное снаряжение.

Лева готовился идти под воду.

Вот уже старшина надел на ноги водолазную рубашку, намылил руки.

Две девушки и один паренек, тоже водолаз, Ямиль Каримов, взялись за резиновый фланец и под команду «раз, два, три!» натянули рубашку по горло.

Супетеэровцы всю работу ведут сами, начиная от завозки труб и кончая засыпкой готовых дюкеров на дне реки. Работа у них трудная. Особенно у водолазов. Здесь нужны ребята выносливые и смелые.

Мы спустились с про- рабом Владимиром Соломиным на стоявший на воде бот, оборудованный водолазным снаряжением. Здесь же стоял гидромонитор для размычки траншей на дне реки.

Соломин познакомил меня со старшиной комсомольско-молодежной водолазной станции Левой Балашовым.

Потом Леве Балашову надели калоши со свинцовыми подметками, привинтили к горловине шлем. На спину и живот привязали грузы.

Теперь Ямиль подал команду:

— Качай на помпе!

Балашов стравил воздух и пошел в воду. Ему нужно было проверить, правильно ли ходит под водой ковш, определить глубину траншеи и какой грунт на дне реки. Водолазы все еще надеялись, что им удастся пустить в дело гидромонитор. Это намного ускорило бы работы.

— Ну как? — в один голос спросили у Левы все, кто находился на боте, едва он вылез из водолазной рубашки.

— Один камень, гидромонитором не взять.

Балашов еще до армии работал водолазом. Служил тоже по этой специальности в аварийно-спасательном управлении Военно-Морских Сил: наводил мосты и переправы, делал обследования затонувших кораблей, вытаскивал мины.

А когда демобилизовался, снова попал Балашов в родную стихию. Но теперь он уже занимается рытьем траншей на дне рек и укладкой дюкеров.

Около пяти тысяч часов пробыл в общей сложности Лева Балашов под водой. Больше десяти лет работает он по первому классу. Свой богатый опыт передает молодым водолазам.

В августе 1957 года в управление пришли устраиваться на работу два паренька. Оба они только что демобилизовались из армии, где окончили водолазную школу.

— Нам нужны люди с практикой, — говорил одному из них начальник участка, — а у тебя стаж под водой тридцать часов. Просто не знаю, что и делать.

При разговоре присутствовал Балашов. Он тоже познакомился с водолазными книжками ребят, а потом оглядел каждого с ног до головы и спросил:

— Комсомольцы?

— Комсомольцы! — живо ответили ребята.

— Давайте мне их, начальник, — попросил Балашов, — думаю, что из ребят выйдут неплохие водолазы. Желание у них, вижу, большое.

С тех пор и работают под началом у старшины водолазной станции Идель Нуриев и Ямиль Каримов.

Через водные преграды прокладывают две нитки трубопровода — основную и резервную. Траншею для первой нитки длиною сто шестьдесят метров водолазы начали рыть с помощью гидромонитора. В день проходили по десять метров вместо трех по норме. Но вскоре в грунтосос стала попадать крупная галька, засорять сопло. Пришлось переключаться на ковш-скрепер.

За десять дней траншея была вырыта. Водолазы выполнили задание на двести пятьдесят процентов.

И вот теперь на рытье второй траншеи никак не удавалось применить гидромонитор: мешал камень. Поэтому решили вести работы с помощью скрепера. Пока ковш ходит спокойно, водолазы сидят на берегу, дежурят с флагами у тракторов, которые таскают этот ковш, на дно спускаются один-два раза в день, чтобы проверить, как роется траншея. Но вот ковш задергало. Тракторист это сразу почувствует. Значит, на пути у ковша препятствие. Тотчас же снаряжают водолаза — узнать, что случилось.

На берегу лежали трубы, уже сваренные в дюкера длиною в двести девяносто метров. Сварка здесь была особенной. На стыках имелись усиливающие гальтельный муфты.

— Вот сделаем весьма усиленную изоляцию, потом облицуем трубы деревянными рейками и навесим грузы через каждые три метра по пятьсот килограммов, — объяснял Соломин, — и будет весь снаряженный дюкер весить около восьмидесяти тонн.

Потом привяжем к дюкерам трос, перекинем его через речку и потянем двумя тракторами, только не по прямой, потому что там болото — тракторы завязнут. Придется устанавливать на берегу железобетонный мертвяк, а на нем отводной блок для троса, который будет соединен с тракторами и дюкерами.

Как только дюкера будут уложены в траншею на дне реки, мы зароем их и переедем на другой водный переход.

Белая делила трассу на две почти равные части.

За этой рекой начинались объекты других управлений.

Большие задачи поставлены перед строителями, которые работают на трассе от Приютова до Ишимбая. Только одной земли им нужно вынуть пятьсот тысяч кубометров, из них пятьдесят тысяч кубометров скальных грунтов. А сколько на пути у землеройщиков болот! Достаточно сказать, что на этом отрезке трассы строителям предстоит сделать семьдесят километров усиленной и восемь километров весьма усиленной изоляции.

Трассу газопровода то и дело пересекают реки, железные и шоссейные дороги, овраги, ручьи, перевалы. Через них делаются переходы — всего до Ишимбая шестьдесят три перехода. Вырубаются просеки в лесах, их площадь равна семнадцати гектарам. Крепкие, работающие люди, преодолевая все препятствия, ведут трассу. Строительство находится в надежных руках.

ВПЕРЕДИ ГОРЫ

Рано поутру мы выехали из Тимашевки. Пыльная извилистая дорога проходила через высокие холмы, перелоги, овраги. Время от времени серую ленту шоссе пересекали неуклюжие тени. Мы как по команде задирали головы кверху.

Это орлы парили в чистом безоблачном небе, выискивая, чем бы поживиться на земле.

Горизонт постепенно сужался. На пути зачастили таблички: «Машинист! Не ставь трубоукладчик на косогоре!», «Тракторист! Помни, что проезд по косогору опасен для жизни!», «Проезд тракторам воспрещен!»

Уральские горы появились неожиданно, огромные, величественные.

Машина остановилась у первого горного заслона. Высокие волнистые гряды, поросшие небольшими дубками и липами, уходили вдаль. Кое-где белели стволы березок, весело искрясь на солнце, змеилась маленькая и необыкновенно чистая речушка. У самого подножия в нескольких километрах одна от другой

прилепились деревни Макарово, Зигановка и Подгорное — опорные пункты строителей газопровода, буровзрывников и землекопов, монтажников, изолировщиков.

Отсюда начиналось наступление на горы.

В Макарове встретил нас начальник участка Матецкий. Его «владения» простираются от Ишимбая до Верхнего Авзяна.

Увидеться же с буровзрывниками удалось только вечером, когда они приехали в столовую с работы — загорелые, как настоящие горцы, в пропыленных спецовках, с тяжелыми отбойными молотками для бурения скважин.

— А вот и сам Петр Королев, начальник буровзрывного участка, — сказал Матецкий, представляя невысокого крепкого парня. — С ним завтра и поедем в горы.

Утро. Вершины гор залиты солнцем, ярко блестят стволы берез и обнаженные на вершинах породы. На крутых травянистых склонах пасутся козы. Снизу они кажутся похожими на маленьких букашек. Позавтракав, механизаторы стояли небольшими группками и курили, ожидая указаний.

— Пора, пора, — Матецкий посмотрел на часы. Машины с лесорубами, корчевателями, бульдозеристами и бурильщиками уходят в горы.

Повар с красными от бессонной ночи глазами вышел на улицу и, загородившись рукой от солнца, смотрит на отъезжающих.

Строители едут на Зигановскую гору.

Они утверждают, что это самая сложная и трудная трасса из всех трасс, на которых им довелось поработать, что при прокладке трубопроводов в Советском Союзе еще не было на пути таких крутых и высоких гор.

В этом убеждаешься и сам, как только увидишь Зигановскую гору, поросшую небольшими корявыми деревьями, с отвесными уступами из голого как колено камня.

При проектировании трубопровода инженеры старались выбирать самые ровные площадки с пологими склонами, но выбор почти отсутствовал.

У буровзрывников на Зигановской горе трудности уже позади. Траншея почти вырыта. Ровной как стрела просекой она поднимается вверху, все выше и выше, становясь похожей на нитку.

Цепляясь за выступы в горе, за кустики, мы стали подниматься к месту, где велись работы.

Петр Королев идет бойко и почти не прибегает к помощи рук. Не отстают от него и другие рабочие.

— Тренировка, — улыбается начальник буровзрывников. — Тот, кто поработает у нас, обязательно станет спортсменом.

Делаем остановку. В этом месте траншея завалена взорванным щебнем. Рабочие стояли цепочкой по два человека и гнали щебень лопатами книзу. Он каменной рекой стекал по траншее, стояла пыль, словно эта горная каменная река была горячей и от нее шел пар. То и дело слышалось:

— Берегись!

Это кто-то неосторожно спихнул сверху валун, и он катился, сшибая соседние камни, и вся эта лавина с грохотом неслась вниз. Рабочие с лопатами отскакивали в сторону.

Щебенку гнали до того места, куда мог подняться на своем бульдозере Шариф Фатхутдинов. Это необыкновенный бульдозерист. Удивительно, как только его машина могла лазить по такой круче! Добравшись до выступа, который удерживал бульдозер на развороте, Шариф въезжал в траншею и, опустив свой стальной нож в щебенку, начинал медленно спускаться вниз.

ПЕТР КОРОЛЕВ

— Окончил среднеазиатский политехнический институт в Ташкенте. Работал на угольной шахте в Киргизии. Потом по здоровью вынужден был оставить подземные работы, — скромно рассказывал о себе начальник буровзрывных работ.

— Стал искать другое место. И чтобы тоже интересное, живое, чтобы захватило всего, с головой.

И вот Королев переезжает в Башкирию.

— Есть для вас такое дело, — сказали Петру Ко-

ролеву в строительно-монтажном управлении № 1 треста «Союзпроводмеханизация». — Намечено строительство газопровода через Урал, и нужен начальник буровзрывных работ.

Королев обрадовался. Именно такую работу и хотел он.

Устроившись на новом месте, Петр сразу стал готовиться к весеннему наступлению на горы. Встречал оборудование из Москвы, в Уфимском округе горного надзора оформлял документы на право получения взрывчатых веществ, изучал проектные документы и по ним делал предварительную выборку скальных пород на трассе.

Начальник управления Гудзенко предупреждал:

— Места, где придется нам работать, дикие, там, может быть, никто и не ходил еще, кроме охотников. Трудностей будет много, надо быть ко всему готовыми. А сейчас готовьтесь принимать от проектировщиков первые пятьдесят километров трассы. От Ишимбая до селенья Кук-Караук.

В марте группа из восьми человек, в которую вошли от строителей старший инженер Слободчиков, от монтажников инженер по технике безопасности Будылин и начальник одного из участков Дворовенко, от дирекции строительства газопровода старший инженер Кабыш и от землеройщиков начальник буровзрывных работ Королев, выехала на трассу.

По оси будущего газопровода шли с большим трудом. Снег был по колено. Дорогой знакомились с рельефом, сверяли его с имевшимся на руках планом местности, выбирали, где лучше расположить базы.

Сзади полз гусеничный трактор: тащил будку, установленную на санях.

До тридцать седьмого километра двигались двое суток. А дальше трактор идти уже не мог. Путь преградили горы и лес. Приемщики в последний раз обогрелись в будке, обсушились у печки и, рассовав по вещевым мешкам продукты, двинулись пешком.

Это был нелегкий путь. Столбики, оставленные изыскателями, занесло снегом. Только и выручали засечки на деревьях. Сквозь заросли проридались

с топором, на горы за-
ползали по-пластунски,
лопатами и руками про-
рывали траншеи в сугро-
бах. За двое суток про-
двинулись только на де-
сять километров.

И вдруг разразилась
снежная буря. Ветер ва-
лил с ног, и невозможно
было отличить небо от
земли. Люди собрались
в кружок и обсудили по-
ложение. Решили проби-
раться к дороге. Не-
вдалеке находился овраг.

Укрывшись немного за его крутыми стенами, вышли на дорогу, где взад и вперед курсировала машина, специально посланная за ними.

Заночевали все в Зигановке. Первый выход в горы показал всю трудность работы на трассе.

В начале апреля Королев вместе с бурильщиками и компрессорщиками выехали на трассу.

Здесь, по существу, работы уже заканчиваются, — рассказывал Петр Королев. — Главные наши силы сосредоточены сейчас на ущелье — это в восьми ки-
лометрах отсюда — и в Верхнем Авзяне.

Помолчав немного, Королев добавил:

— О людях, которые здесь работали, можно целую поэму и роман написать. Возьмите бурильщиков Ва-

силия Лазарева, Дамулина, Ахунова, Хаббибулина. Они, можно сказать, выросли здесь. Учились своей профессии и работали, работали и учились.

— Кто же учил их? — спросил я.

— Бригадир учил. Петр Строков. Вон он.

Строков спускался с горы легко, свободно. Пря-
мые, длинные, выгоревшие на солнце волосы спада-
ли на глаза.

— Вы не собираетесь в ущелье? — спросил он
у Королева.

— Собираемся.

— Я тоже с вами. Нужно посмотреть, как там мои
хлопцы.

Он подсел к нам и закурил.

ПЕТР СТРОКОВ

Строков оказался прекрасным рассказчиком, остроумным, веселым. Свою речь он то и дело пере-
сыпал шутливыми присказками.

Впервые тезки встретились в Уфе, в строительно-
монтажном управлении. Когда Королев узнал, что
Строков, будучи мастером на заводе геофизической
аппаратуры, имел дело с бурильными молотками, то
очень обрадовался.

— Вот ты как раз нам и нужен. Понимаешь, мы
уже получаем инструменты, а бурильщиков нет. И не
предвидится. Их надо учить. Ты знаешь это дело.
Тебе, как говорится, и карты в руки.

На другой день бурильщик Петр Строков и ма-
стер-взрывник Шайхмансур Загитов готовили инстру-
мент, подбирали штуцера к компрессорам, хомутики
для крепления шлангов к отбойным молоткам.

В комплекте бурового инструмента не было за-
бурников. Их пришлось делать самим.

Приехав на трассу, рабочие стали подтягивать
технику к горе. Было холодно. На земле еще лежал
снег.

Бурильщиками изъявили желание работать девять
человек. Но за отбойные молотки взялись не сразу.

Тогда еще не было колонны лесорубов — этих разведчиков трассы, которые идут теперь двумя отрядами навстречу друг другу: один от Ишимбая, другой от Верхнего Авзяна.

В горах нужно было прорубать просеку, разгребать снег. Вместо отбойных молотков бурильщики получили топоры, пилы и лопаты.

Короткими весенними вечерами ребята занимались на квартире у Строкова, изучали материальную часть. Теорию преподавал Загитов. Спустя три дня бурильщики уже знали, какие бывают грунты, как работать с инструментом, чтобы буры не заседали в трещинах, не ломались.

Но одно дело теория и совсем другое — практика.

Когда Рашид Хаббиулин впервые вонзил бур в грунт и включил перфоратор, то ему показалось, что в руках у него забилось что-то живое, сильное и не послушное. Каждая клетка тела тряслась в дикой трясучке, дрожали руки. Земля, деревья, товарищи, которые его обступили, — все прыгало в глазах.

Рашид напрягал все силы, чтобы не выпустить из рук отбойного молотка. Но вот длинное стальное жало ушло в камень по самую рукоятку перфоратора. Наконец-то!

Рашид облегченно вздохнул и стал вытаскивать бур. Но сил уже не было.

Наблюдавший за ним Строков подошел и помог.

У других на первых порах было не легче. Буры то и дело заседали в трещинах, ломались.

Изо дня в день рос опыт бурильщиков. Они уже не боялись выпустить из рук отбойный молоток. Одно еще никак толком не умели делать — проворачивать буровой инструмент, когда его заест. Бригадир и здесь пришел на помощь. Воспользовавшись тем, что буры шестигранные, он предложил сделать специальные ключи для проворачивания бурового инструмента.

С каждым днем круче становилась гора. Казалось, вот-вот кто-нибудь сорвется вниз...

Василий Лазарев однажды сказал не то в шутку, не то всерьез:

— Вот если бы нам иметь привязные ремни, как у альпинистов, скажем, или у верхолазов.

— А что, это идея, — отозвался Королев.

Немедленно была дана телеграмма в строительно-монтажное управление. Скоро на участок были присланы ремни и веревки. Привязываться стали к деревьям и пням, которые специально оставляли для этого. Работать со страховкой стало легче.

Первый взрыв на горе решили сделать в День Победы над фашистской Германией. Его так и называли — «мирный взрыв».

А между тем самое трудное оставалось еще впереди. Чтобы разбурить вершину горы, требовалось затащить наверх компрессор. Для этого подходил противоположный склон, только дорогу нужно было найти.

Послали бульдозера Исакова. Он поднимался на своем тракторе часа три, зигзагами. А на одном зигзаге юзом прошел метров десять и ударился о дерево. Но водитель не сдался. Отремонтировал машину и снова полез на гору. И забрался. Потом спустился, прицепил компрессор и затащил его наверх.

— Девятого мая мы произвели первый взрыв, — рассказывал Королев, — чтобы сделать его, пробурили сто скважин. Десятого мая заложили взрывчатку еще в двухстах сорока скважинах. И ахнули! А ведь тогда у нас даже электродetonаторов мгновенного действия не было. Поджигали шнуры и бежали в гору. Работали сразу на трех склонах. Крепко работали — с темна до темна. И, хотя люди были неопытные, нормы выполняли на сто тридцать процентов. Работали всей бригадой. А когда, что называется, притерлись друг к другу, выявились взаимные склонности, а это тоже надо учитывать, мы создали звенья. В каждое звено входит один компрессорщик и два бурильщика. Звенья между собой соревнуются. На первом месте идет звено Рашида Хаббиуллина. На ущелье с ним можно будет познакомиться. Парень на все сто!

Королев поднялся с камня и заглянул в траншею.

— Смотрите, какая ровная по глубине, а ря-

дом ниже и выше нас уступы. По проекту мы не обязаны были их сносить. Предполагалось, что трубопровод обогнет их в траншее. Легко сказать, обогнет, а чтобы сделать это, нужно вмонтировать пять кривых. Ребята наши решили облегчить труд монтажников, хотя для себя они его усложнили. Чтобы снять эти гребни, пришлось несколько раз разбуривать, взрывать, убирать щебень, снова разбуривать и снова взрывать.

В УЩЕЛЬЕ

По прямой от Зигановских гор до ущелья около восьми километров. Только машина по прямой не пройдет: слишком круты спуски и подъемы на пути. Едем по дороге. Но что это за дорога! Прошли лесорубы, прорубили просеку, бульдозер срезал кочки, отпихнул в стороны валуны. Вот и все.

Машина идет или на тормозах, или едва карабкается кверху.

А кругом непроходимая тайга. Кроны деревьев смыкаются шатром, ветки бьют по кабине и бортам машины, нам все время приходится пригибаться.

Миновав последний перевал, мы услышали в лесу треск отбойных молотков. А через несколько минут увидели и бурильщиков.

Было очень жарко, ветер совсем не проникал в это место, закрытое со всех сторон лесами. Бурильщики работали в трусах.

Мы остановились около высокого темноволосого паренька со спокойным взглядом красивых карих глаз. Он, как и все, делал скважины в грунте. Из-под бура, похожего на длинный шестиугольный лом, какими дворники раскалывают лед на улицах, высказывали фонтанчики белой пыли.

Загнав бур в породу до конца, бурильщик вытащил перфоратор, закрыл скважину камнем и перешел на другое место.

Снова затряслась порода под ногами и всклубились фонтаны пыли.

— Это и есть Рашид Хабибулин, — заметил Строков. — Он к нам прямо с завода. Токарем работал. Был депутатом Уфимского горсовета. А вот позвала комсомольская стройка, и поехал. И квартиру бросил и специальность переменил. Чего там говорить, раз нужно, значит нужно. Компрессорщиком у Рашида комсомолец Ханиф Муслимов. Вон он, видите, несет буровой инструмент для своего бурильщика. А если потребуется, и Хабибулин поможет Ханифу, за водой сходит для компрессора. Работают в тесном контакте. А как же, иначе нельзя.

Из-за поворота дороги вырулила, покачиваясь с борта на борт, машина с серым фургоном вместо кузова. По бокам красные полосы. На углах фляжки.

Через минуту хлопнула дверца кабины, и к нам подошел невысокий живой паренек.

— Загитов, мастер-взрывник, — представился он при знакомстве. И к Королеву: — Немного опоздал. Застряла наша «Плата за страх» в одном месте. Ну что же, начнем?

Начальник буровзрывных работ посмотрел на часы и кивнул.

Загитов вместе с другим взрывником Василием Воронцовым достали из машины ящик с аммонитом и стали засыпать в скважину этот белый, похожий на манную крупу порошок, потом опустили туда патроны с детонаторами.

Работали они молча, сосредоточенно. Вот уже подвели магистральный провод.

Раздался пронзительный свисток.

— Пойдемте, — сказал Королев. — Подключают машинку.

Мы спрятались в укрытие.

Послышалось два свистка, и через некоторое время громовое эхо прокатилось по горам. В ущелье вырос столб серого дыма и пыли. Подброшенные взрывом камни падали на деревья, обивая листья.

Три свистка. Теперь можно выйти из укрытия и посмотреть, что сделал взрыв.

По дороге к ущелью Королев рассказывал:

— В мае и июне мы, семь человек, взорвали больше четырех тысяч шпурков и, таким образом, выбросили больше четырех тысяч кубических метров скального грунта. Вручную эту работу пришлось бы делать ста шестидесяти землекопам.

Обратно возвращались под вечер и другой дорогой: нужно было забрать с трассы экскаваторщиков. В двух местах выходили на старый, давно уже всеми забытый Екатерининский тракт. Он был настолько узким, что колеса машины шли впритык с высокими каменными бровками.

То там, то здесь лежали большие груды неиспользованного камня. Сколько потребовалось труда, чтобы доставить его при той технике к месту строительства, сквозь непролазную чащу деревьев и кустарников!

Невольно вспомнился знаменитый Оренбургский тракт, по которому, звеня кандалами, шли в Сибирь ссыльные и переселенцы. На месте его в Салавате проходит сейчас центральная улица. Недалек тот день, когда и около этого тракта забурлит жизнь. И, как знать, может быть, тоже вырастет город.

Лесная чаща неожиданно оборвалась. Дорога пошла вдоль высокого каменного утеса.

— А вот и Крантаусская пещера, — сказал Королев, указывая на огромный темный вход в горе. — Говорят, там когда-то скрывался Салават вместе со своими войсками. В память о нем жители близлежа-

щих городов и сел устраивают здесь массовки и гуляния.

Невольно представилось, как великий сын башкирской земли, военный организатор и народный поэт, проходил по этим местам со своим отрядом, призыва башкир к объединению с русским народом для совместной борьбы против крепостного права. Может быть, именно здесь он сложил эти слова:

Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Святая родина моя,
Урал, Урал мой благодатный,
Люблю я вас, любить вас буду,
Про вас и песню я пью...

После ужина рабочие долго не расходились по домам. Здесь же, у вагончиков, можно увидеть и начальство участка. Подводятся итоги дня, даются указания на завтра.

Слышны споры, смех. Повар комсомолец Вакиль Ахмадеев советуется, что сделать на завтрак.

Пришел председатель колхоза имени Чапаева, ему нужен бульдозер.

— Ты присылай нам молоко, а мы тебе в любое время дадим технику, — говорит начальник участка Матецкий.

— Сколько вам нужно?

— Ахмадеев, за тобой слово.

— Двадцать литров на день.

— Хорошо, будет вам молоко, давайте бульдозер.

Сделка заключена. Теперь Матецкому нужно договориться с лесничим. А это будет потруднее. Лесничий пришел с жалобой на лесорубов: просека местами шире, чем это нужно. Кое-где не убрали ветки.

— Мы здесь ни при чем, — оправдываются лесорубы. — Лес на корню сгнил. Дунь на него, и он падает как подкошенный.

У одной из хат на лавочке сидели ребята. Слышался звон гитары.

Я невольно остановился. Бригадир бурильщиков Петр Строков пел:

На горах, в непролазной тайге
По приказу рабочего класса

Там, где были тропинки зверей,
На Магнитку проложим мы трассу.

Застревали машины в снегу,
Даже трактору сна не хватало,
И тогда на горах по тайге
Песня птицею дружно взлетала.

Становилась дорога ровней,
Лес редел, горы ниже казались,
Точно силы машин и людей
С песней вмг воедино сливались...

— Кто сочинил эту песню? — спросил я у облокотившегося на изгородь юношу.

— Наш Петро, кто же еще.

— Петр Строков?

— Ну да. Он вам может десяток исполнить. Сам сочиняет, сам поет.

Василий Трофимович Матецкий обещал показать, как работают механизаторы в болоте — на двадцатом километре, но, когда мы туда приехали, траншея в воде была уже вырыта.

— Разве я знал, что они так быстро управляются? — говорил начальник, явно довольный экскаваторщиками Лопаткиным и Светловым.

На обратном пути я сошел в Зигановке, чтобы узнать, как будут монтировать трубопровод на Зигановских горах.

— Вариантов много, — сказал Дворовенко Яков Павлович, начальник монтажного участка № 2, — например, можно варить сплошную нитку внизу, у подножия горы. Длина такой нитки будет двести семьдесят метров, а вес тридцать тонн. Заизолировать ее, а потом поднимать с помощью установленных на верху трактора и лебедки. Но мы отказались от этой идеи. Слишком трудоемкое дело. И много техники нужно было бы сосредоточить на одном месте. Мы стали искать другой способ. Еще раз осмотрели все склоны, вымерили подходы, нашли заезды на гору и решили нарастить уже подведененный к горе трубопровод еще на девяносто метров. Сделать это рельеф подножия вполне позволяет.

На крутую часть склона приходилось теперь только сто восемьдесят метров. И вот эти-то сто восемьдесят метров мы решили монтировать путем наращивания труб сверху вниз.

Как это осуществить практически?

Плети из трех труб или одиночные трубы мы застаскиваем на гору с другой, более пологой стороны, а потом начинаем их по одной опускать с помощью тягача и лебедки.

Чтобы труба не уходила в сторону, нижний ее конец соединим тросами с другим тягачом. Он будет находиться под горой и пойдет вниз по оси засыпанной траншеи.

Как только верхний конец плети подойдет к местустыковки, к нему приваривают новое звено, а потом наращенная плеть опускается еще ниже, снова стыкуется с помощью трубоукладчиков с поданным сверху концом трубы и опять опускается. И так до самого подножия, где она будет соединена с уложенным в траншее трубопроводом.

Всего на склоне нужно будет сделать семь стыков (при плетях) или семнадцать стыков (при одиночных трубах). На работу уйдет четыре дня.

Когда на вершине будут поставлены кривые, монтажники начнут присоединять к ним звенья с другой стороны горы.

Вот и вся технология перехода через Зигановскую гору, — закончил рассказ Яков Павлович. — Мы готовы к работе хоть сегодня же.

— За чем же дело?

— За строителями. Вот сейчас думаем вместе с ними, как лучше изолировать трубы. Тут тоже несколько вариантов. Одни предлагают вести изолировку после монтажа трубопровода прямо на горе, для чего потребуется спускать изолировочные машины на тросах, другие считают, что чистить и проймировать трубы лучше у подножия, а изоляционный слой накладывать уже на лежках в траншее, третьи рекомендуют все изоляционные работы делать внизу. Кажется, мы остановимся на последнем варианте. Вот ждем начальство из Уфы. Тогда решим все окончательно.

ДОРОГА НА ВЕРХНИЙ АВЗЯН

Перевалочная база автотранспортной конторы треста «Нефтепроводмонтаж». Она расположена в Зигановке. Там и тут высятся штабеля труб.

Вот со стороны степи приехала машина с прицепом: привезла трубы с железнодорожной станции Васильевка. Трубоукладчики сейчас же разгрузили ее. Машина отъехала, а место у штабелей заняла другая, порожняя. На нее положили всего четыре трубы. Рессоры приметно осели, да и неудивительно: вес каждой трубы тысяча сто пятьдесят — тысяча две-сти килограммов.

Водителем на этой машине Мугалим Мухаметшахов, высокий, худощавый паренек с крупным «орлиным» носом и яркими, слегка припухшими губами. Это ветеран комсомольской стройки.

Мугалим залез на трубы и стал вставлять между ними деревянные клинья, а потом сверху стянул опорные стойки тросом.

— Машина к рейсу готова, — доложил он начальнику автоколонны.

И вот мы сидим бок о бок с Мугалимом и едем в Верхний Авзян. Гудят мотор, то и дело шипит воздух в тормозах, за спиной легонько позвякивают трубы. По расстоянию путь не очень большой — восемьдесят девять километров. По ровной дороге езды час-полтора, а нам предстоит высидеть в раскаленной солнцем и душной кабине больше шести часов. И всему виной горы.

Время от времени на пути попадаются сваленные в сторону тру-

бы — это кто-то из шоферов не сумел удержаться на каменных волнах, трубы разболтались и соскочили с машины.

Первая гора называется «каменный мост». Она вся из камня, видимо, отсюда носили его на плечах крестьяне для постройки Екатерининского тракта. Шоферы эту гору называют по-своему: «первое испытание».

Тот, кто выдержит его, едет дальше, к горе Ала-Тау. Это самая высокая гора на пути. Кажется, и не дождешься конца подъема. А потом такой же долгий спуск: если откажут тормоза, иного выхода, как прыгать на ходу, не будет.

Потом мы едем через Вертуна-гору. Шофер то и дело крутит барабанку — налево, направо, опять налево. Здесь каждое мгновение долго: длина труб — двенадцать метров. Прозевал чуть, и прицеп заденет за каменный выступ или сползет с карниза, по которому идет дорога.

В начале пути лес как непролазная чаша. Липа, вяз, ольха, дуб, осина растут вперемежку и так сплелись, что без топора нельзя сделать и шагу.

Но вот уже все чаще и чаще встречаются желтобокие сосны. Они вносят в лес какой-то порядок. Глядя на их стройные «фигурки», и другие деревья не кривятся и не горбятся. Бурелом становится меньше. Иногда лес расступается в стороны, и дорога выходит к маленькому селению или к реке.

Мугалим только один раз остановился, чтобы напиться из ключа, бившего у самой дороги.

— Здесь все шоферы останавливаются, — говорит он, обнажая в улыбке белые зубы. — Это ключ счастья. Попьешь из него — обязательно доберешься до Верхнего Авзяна.

Мы уже четыре часа в пути, а дорога не улучшается: все те же спуски и подъемы, крутые повороты и выбоины.

При спуске Мугалим вдруг резко затормозил. Я посмотрел на него:

— Зачем это?

— Трубы начали сползать. Вот я их и подвинул вперед — за счет инерции. Мы всегда так делаем. А если они сползают и мы видим, что до вершины

не дотянуть, тогда пятымся назад к какому-нибудь дереву и подталкиваем трубы вперед.

Миновав горы Большой Юрмашко и Малый Юрмашко, машина свернула в сторону с шоссейной дороги и через пять минут была уже на монтажной площадке, окружённой со всех сторон красивым сосновым лесом.

— Живут, как на курорте, — сказал Мугалим и повел меня в столовую, сколоченную из теса. Над входом была прибита каким-то шутником толстая доска с выжжеными на ней газовым резаком словами «Ресторан «Тайга».

Здесь было прохладно и уютно. На столах, застланных kleenкой, стояли полевые цветы и стаканчики с бумажными салфетками. Чистотой и, как выяснилось сразу же, вкусовыми качествами пищи столовая строителей газопровода могла бы посоревноваться с настоящим рестораном.

Все руководство участка в этот день находилось на реке Белой, которая здесь, как и у Ишимбая, тоже пересекает трассу газопровода.

Монтажникам участка предстояло сделать на протяжении сорока километров двадцать семь переходов через горы и реки. Самым трудным из них был переход на Белой. Прокладка труб через большие реки обычно делается супетэровцами, но здесь решили обойтись без них.

Плети из трех труб на берег завозились тракторами. Здесь они сваривались в дюкер длиной в двести пятьдесят метров. Потом к дюкеру с обоих концов приварили сферические заглушки, толстый штуцер с задвижкой и манометром для контроля. К штуцеру подключили опрессовочный агрегат. Он стоял на берегу, напоминая своей конструкцией пожарную машину больших размеров, и накачивал мощным насосом в дюкер воду, которая бралась прямо из реки.

Накачка шла до тех пор, пока стрелка контрольного манометра не остановилась на цифре «75». За два часа в дюкере было создано давление в семьдесят пять атмосфер. После этого задвижку на штуцере плотно закрыли.

Потянулись томительные часы ожиданий.

Начальник участка Примак, бригадир Владимир Чернин, сварщик Владимир Новоселов ходили вдоль лежавшего на берегу дюкера и с лупами осматривалистыки сваренных труб: не появится ли отпотевание, которое скажет, что сварка произведена некачественно; смотрели на манометр: не упадет ли стрелка, что тоже будет говорить о неполной герметизации.

Наконец-то испытания окончены! В приемо-сдачном акте появилась надпись: «При осмотре дефектов не обнаружено. Давление на манометре не упало в течение двух часов».

— Теперь дело за изолировщиками, землеройщиками, — сказал Примак, садясь на мотоцикл.

Через четверть часа мы были уже в Верхнем Авзяне. Это старинное село. Массивные деревянные дома, большей частью из лиственницы, стоят большими нескладными, но крепко сбитыми квадратами. Как отдельные архитектурные сооружения возвышаются огромные ворота с тяжелыми навесами. Во дворах всюду светлеют штабеля дров. Время окрасило толстые бревна домов в темный каштановый цвет. Кажется, что дома просмолили, как смолят железнодорожные шпалы, чтобы они долго жили.

Многие постройки принадлежали до революции старателям, которым улыбнулась фортуна, ловким лесопромышленникам и владельцам тягла, подвозившим железную руду и древесный уголь на металлургический завод, который находился в селе.

Революция смахнула с уральской земли любителей загребать жар чужими руками. Завод закрыли как мало перспективный.

Верхний Авзян стал поставщиком строевого леса, древесной смолы, он разросся во все стороны, стал районным центром.

Сейчас в селе живут и строители газопровода.

ДОЛИНА В ГОРАХ

Она начинается сразу же, как только переезжаешь через Белую, и словно специально создана для трассы газопровода, который проводят через горы к Магнитогорску.

На многие километры тянется длинная, сжатая с обеих сторон высокими горами долина. И всюду цветы, цветы, цветы.

Дорогу то и дело пересекает река Кага, мелкая летом, а в половодье пригодная к транспортировке леса. Штабеля его уже лежат по обеим сторонам берега и ждут паводка.

Машина с размаху врезается в воду, трястется по гальке и с шумом выскакивает на другой берег.

— Легко здесь будет строителям, — говорю я шоферу, вспоминая цифры, которые мне назвал в Верхнем Авзяне старший инженер производственного отдела треста «Востокнефтепроводстрой» Алексей Владимирович Широков.

— От Ишимбая до Белой у Авзяна немногим больше ста километров, — сказал он. — Но трудности в прокладке газопровода колоссальные. Одного леса надо вырубить девяносто гектаров, выбрать земли больше трехсот тысяч кубометров, из них девяносто тысяч скального грунта. Сделать шестьдесят один переход через препятствия, построить восемнадцать домов обходчиков.

Сейчас же мы проезжали по долине в горах. Хоть здесь-то строители чуть-чуть вздохнут.

Шофер, однако, возразил:

— Для машины такая река — препятствие небольшое, и преодолевает она его за пять-десять секунд, а вот строителям в этой долине придется покорпеть. Ведь им надо будет сделать ни много ни мало — шестнадцать переходов. Вырыть под водой траншею и уложить газопровод, а это нелегко. Грунт здесь очень плохой — болотистая пойма.

Вот и монтажная площадка. Еще неделю назад здесь было пусто. На огромной поляне, окруженной со всех сторон горами, паслись только коровы да гуси.

А теперь здесь смонтированы стеллажи для сварки труб.

Хотя работы ведутся недавно, но на площадке есть уже свои герои. Вот бригада Александра Шитикова на центровке труб сразу же стала выполнять по три нормы в смену. Не отстает от нее комплекс-

ная бригада на автоматической сварке. В этой бригаде только два человека: автосварщик Николай Яковлевич Шпиц и дизелист-электрик Александр Захарович Шехтман. А по штату положен еще и подручный, но теперь благодаря лучшей организации труда его в бригаде нет.

Раньше штатив, поддерживающий сварочную головку на трубе, находился с обратной стороны от сварщика, и регулировал его длину подручный. Это было не совсем удобно, так как подручному трудно было определить точку постановки электрода. Кроме того, он просто мог недослышать из-за шума команды сварщика, истолковать ее по-своему. Это в конечном итоге приводило к браку.

Автосварщик Шпиц переделал штатив на свою сторону и сам стал им регулировать точку зенита сварки.

Подручный, таким образом, освободился от этой работы. А спустя некоторое время Шпиц и Шехтман стали выполнять и остальные его обязанности: чистить проволоку для сварки, наматывать ее в кассеты, просушивать флюс, засыпать его в бункер сварочного аппарата.

О делах на участке мне рассказывал прораб Владимир Гуськов. В 1954 году он окончил Московский электротехнический техникум и стал работать в Челябинске инженером. Работа была тихая и довольно спокойная. Казалось бы, чего лучше? Но не таков характер у Гуськова. Он не искал тихой жизни. И поэтому, как он говорит, «бросил все бумажки» и уехал на трассу. Здесь трудностей, конечно, больше, но и работа интересная.

К прорабу все время подходили люди: спрашивали, советовались, получали указания.

Вот подошел начальник строительной колонны СУ-4 треста «Бензинпроводстрой» Островский. Он взял Владимира за локоть и отвел в сторонку.

— Ну, когда обеспечишь нам фронт работ? — спросил начальник колонны. — Через неделю мы уже ожидаем очистные и изоляционные машины.

— Не волнуйтесь. К этому времени три километра дадим. Только у нас нет пока своей испытательной

лаборатории. Вчера приезжал радиограф из Амангельдино, просветил трубы на стыках, и теперь вот ждем от него анализа работы сварщиков. Если анализ окажется положительным, будут варить плети дальше.

Путь до деревни Амангельдино, куда мы поехали с Гуськовым, лежал через горные выси и был не менее труден, чем путь от Макарова до Верхнего Авзяна. Дорога все время петляла, выбирая менее крутые уступы. По обеим сторонам ее стоял лес, но уже не такой крупный, как в Верхнем Авзяне.

ПЕТР ПОГОРЕЛОВ

Дорогой Гуськов рассказывал:

— Монтажный участок в Амангельдине ведет трубы от нуля, то есть от газораспределительной станции Магнитогорска. Работают монтажники хорошо. У них там есть молодой, но очень опытный сварщик-потолочник Петр Погорелов. Это артист своего дела, виртуоз. Он ежедневно выполняет нормы на двести пятьдесят — триста пятьдесят процентов. О работе потолочников у нас говорят мало. А между тем это одна из сложнейших профессий. Вот, скажем, понервничал сварщик-потолочник вечером, перенапрягся, и назавтра он уже не сможет сварить качественный шов. Даже смена погоды на него может повлиять.

Вечерело, когда машина приехала в Амангельдино. Участок находился на краю деревни, около реки с холодной как лед водой. Вернувшиеся с трассы рабочие мылись под душем. Они его сделали сами — из обычной трубы, концы которой заварили заглушками и положили на насыпь.

По всей трубе были приварены лейки с кранами. За день вода в трубе нагревалась до тридцати-сорока градусов.

Гуськов подошел к стройному смуглому парню с черными как смоль волосами, прижатыми зеленым беретом. Это был инженер полевой испытательной станции Юрий Коливанов. В его обязанности входило просвечивание сварных стыков трубопроводов. Он

только что сделал разметку под вырезку образцов для механических испытаний. Такие образцы проверяются на прочность после сварки двухсот швов.

— Сейчас мы начнем просвечивание, — сказал он. — Это делается прямо на готовой трубе. Из каждого пятидесяти стыков берется один для испытания.

Техник-радиограф вместе с шофером специальной машины поднесли к стеллажам на длинной палке цилиндрический контейнер весом в пятьдесят килограммов. В нем находилась закрытая со всех сторон толстыми свинцовыми стенами маленькая металлическая ампула с радиоактивным изотопом.

Контейнер прикрепили хомутиками к трубе. С противоположной стороны на стык установили три кассеты с пленкой.

Из карманов работников испытательной станции виднелись похожие на авторучки дозиметры для определения дозы облучения рабочих.

Коливанов подал команду, чтобы все отошли от места испытаний.

Радиограф повернул ручку. Окна во внутреннем и во внешнем цилиндрах контейнера совместились. Лючи цезия 134 прошли через две стенки трубы и попали на фотопленку.

Через три минуты таким же образом была просвеченена вторая половина шва на трубе.

А еще через полчаса инженер и техник уже рассматривали на свет проявленные пленки. Стык оказался хорошим. Но если бы на нем был обнаружен хотя бы один дефект: непровар, пустота, трещина или шлаковое включение, — то из этих пятидесяти стыков пришлось бы просвечивать еще пять. А при обнаружении дефекта даже на одном из пяти стыков проверялась бы вся партия.

Юрий Коливанов был комсомольским группортом. Когда речь зашла о соревновании на участке, он подвел меня к доске показателей и подчеркнул мелом фамилии Федоренко и Дюськина.

— Сейчас весь участок следит за работой этих бригад сборщиков трубопроводов на стеллажах. Одну возглавляет комсомолец, другую — член КПСС. Бригада коммуниста Григория Дюськина выполняет

задания на двести пятьдесят — триста пятьдесят процентов. Но и комсомольцы не отстают. В последнее время бригада Григория Федоренко начинает догонять Дюсъкина.

Через некоторое время мы идем с прорабом участка Равилом Маликовым по готовому трубопроводу туда, где работает Погорелов и другие потолочники. У них трудная работа. Они сваривают вывезенные на трассу плети в одну нитку. Здесь уже не применишь сварочный автомат. Нужно самому «крутиться» вокруг трубы, а для этого приходится и стоять, и на коленях ползать, и даже лежать на спине в канаве, когда шов делается с нижней стороны трубы. Егото сварщики и называют потолочным швом.

Для устранения аварийных случаев заводские продольные швы на трубе ставятся сверху, но не на одной линии, а вразбежку, чтобы в случае если лопнет один шов, то не лопнул и второй.

Наконец мы добрались до звеньев, которые между собой были только прихвачены в нескольких местах.

На одной из таких прихваток работал Петр Погорелов. Коренастый, светловолосый, с открытым добродушным лицом, красным от загара, и толстыми резко очерченными губами, он стоял на одном колене и заменял на маске стекло с каплями застывшего металла, которые отскакивают от трубы во время сварки.

Заметив прораба, Погорелов помахал ему рукой в большой клеенчатой перчатке, обшитой сверху шинельным сукном — такую не прожжешь! — и тряхнул головой. Висевшая на голове маска упала сварщику на лицо. Он приблизился к стыку и дотронулся электродом до трубы.

Докончив работу, Погорелов поставил клеймо — цифру «83». Если случится разрыв по шву, то теперь хоть через двадцать лет узнают, кто варил этот шов.

По четырнадцать стыков сваривает ежедневно Петр Погорелов вместо четырех по норме. А бывают дни — и все восемнадцать дает.

У каждого опытного сварщика своя школа, свои привычки. Некоторые, например, сваривают трубы на

токе разной силы и при этом делают разные движения электродом.

Погорелов считает, что лучше пользоваться током одинаковой силы, независимо от того, варится ли потолок или горизонталь.

При таком условии моторист больше свободен. У него остается время и на обивку шлака и на то, чтобы посмотреть за мотором и сходить за водой. А когда сварщик варит на разном токе, то моторист все время выполняет его команды, то добавляет ток, то уменьшает.

Прораб Маликов принес маску и посоветовал посмотреть, как Погорелов делает шов.

— Это очень любопытно, — сказал он. — Тут тоже у каждого сварщика свои приемы.

Делая потолок, Погорелов вел электрод, как по линейке, но стоило ему выбраться на вертикаль, как он тотчас же стал производить электродом дугобразные движения по месту стыка двух труб — варить «полумесяцем».

Равил Маликов пояснил:

— Внизу ему не надо было бояться, что получится наплыv, вот он и чертил электродом прямую, а если бы он стал так же варить с боков и сверху, то металл обязательно бы поплыл по трубе. При движении же электрода «полумесяцем» металл успевает застывать, задерживается.

ЗДРАВСТВУЙ, МАГНИТОГОРСК!

Последние километры пути по трассе газопровода. Теперь можно подвести предварительные итоги. Я просматриваю блокноты с короткими записями:

«От поселка Приютово до реки Ашкадар 145 километров. Трубы сварены на протяжении 132 километров».

«От реки Ашкадар до Верхнего Авзяна 135 километров. Сварено — 74 километра».

«От Верхнего Авзяна до Магнитогорска — 98 километров. Из них на протяжении 50 километров трубы сварены».

Итого к концу июня 1958 года сварено в нитку больше двух третей всех труб на трассе. Изолировано и опущено в траншею больше одной трети.

Это очень хорошие результаты.

Скоро на горизонте показались трубы. Десятки труб курились дымами всех цветов, начиная от белого и кончая черным. Иногда облако дыма озарялось снизу золотистым заревом. Это из домен выпускали в ковши чугун или шлак.

— Вот он, металлургический комбинат, символ нашей социалистической Родины, символ созидающего труда советского народа.

Ныне в Магнитогорске производится столько металла, сколько его выпускали все металлургические заводы царской России. А сколько продукции выпускают другие промышленные предприятия, построенные в городе!

Чтобы привести в действие этот индустриальный гигант, нужно топливо. Много топлива.

Но скоро вступит в действие газопровод, и уголь будет не нужен. Шкаповский газ даст государству ежегодно около двадцати миллионов рублей экономии. В пять лет окупится строительство всего газопровода. А потом по трубам потечет чистая прибыль. Кроме того, производительность домен повысится на восемь-двенадцать процентов. Это новые тысячи тонн металла.

Машина мчалась уже через зеленое кольцо насаждений, которым окружается сейчас город.

Дорога шла на газораспределительную станцию.

Свои обязательства — закончить строительство газовой магистрали досрочно, к сорокалетию ленинского комсомола, — молодые труженики выполнили с честью.